

18+

Артем Кируш

Хроники скитальца

Гнев мага

И горы магов запылают,
Изгнанник горцев одичает,
Всесветная война начнется,
Гнев мага каждого коснется...

Артем Кируш

Хроники Скитальца: Гнев мага

«Издательские решения»

Кируш А.

Хроники Скитальца: Гнев мага / А. Кируш — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-591765-2

«Гнев мага» — это первая часть серии книг «Хроники Скитальца», изложенная в стиле фэнтези, где основная сюжетная линия строится вокруг юного мага, проживающего в небольшом городке со своими друзьями, среди которых острожный гном, могучий полутроль-получеловек и жаждущий приключений эльф. Занимаются они торговлей, но в то же время пытаются подготовиться к началу Всесветной войны, которая, согласно преданиям, должна стать самой кровопролитной и уничтожить все расы этого мира.

ISBN 978-5-00-591765-2

© Кируш А.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие двадцать второго года	6
Предисловие седьмого года	7
Милинтил: Привал	10
Бестелесные: Подселение	15
Ульяна: Дождь	21
Милинтил: Веселье на закате	24
Бестелесные: духи	27
Ульяна: Послушать запах дождя	31
Милинтил: Пир накануне	33
Ульяна: Ведьмина смерть	39
Бестелесные: Знакомство	41
Торни: Кровные узы	46
Ульяна: Дыхание	49
Бестелесные: Пробуждение	51
Милинтил: Предложение короля	54
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Хроники Скитальца: Гнев мага

Артем Кируш

© Артем Кируш, 2024

ISBN 978-5-0059-1765-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие двадцать второго года

Начать стоит одновременно со слов извинений и благодарности перед одними и теми же людьми, которые столько лет уговаривали меня опубликовать это произведение, написанное еще в две тысячи седьмом году, но предназначалось узкому кругу моих друзей и родственников. Именно им я безмерно благодарен за то, что они все же сумели убедить меня поделиться своим творчеством с широким кругом читателей, а также за то, что вдохновили меня своими отзывами на новые творения.

К новым читателям, которые впервые познакомятся с этой книгой, хотелось бы обратиться с просьбой помнить о дате рождения этого произведения в связи с тем, что, на первый взгляд, некоторые идеи могут показаться заимствованными из работ других авторов. Я сам обнаружил много тождественных образов и сюжетных линий, которые уже опубликованы ныне, но не были нам известны на момент сочинения этой книги.

На самом деле, это как раз послужило второй причиной, по которой я решился опубликовать данную работу. Ведь раз один автор не посчитал это безумием и по его книге сняли фильм, то и мне не стоит беспокоиться об этом. К тому же это в очередной раз доказывает тот факт, что одна и та же идея часто посещает нескольких людей, которые никак не связаны друг с другом и даже не знакомы.

Это обращение к новым читателям вызвано лишь моим желанием не быть обвиненным в плагиате. Любые сходства с произведениями других авторов на самом деле являются случайными совпадениями, что с легкостью можно доказать оригинальными рукописями, которые я отправлял своим друзьям по электронной почте и даже на бумаге брату, который нес в то время службу в рядах вооруженных сил нашей страны.

В то же время некоторое заимствование идей присутствует, но в подобных случаях я как раз сразу отсылал на летописи других периодов и эпох. Это я делал в знак уважения перед всеми авторами, кто создал эту прекрасную вселенную мира фэнтези.

Почему был выбран именно этот жанр, думаю, стоит также пояснить. Дело в том, что еще в школьные годы я заметил, как некоторые события из жизни, которые кажутся нам запечатленными в памяти навсегда, стираются через очень короткое время. Поэтому я начал записывать некоторые факты из своей жизни, но в то же время я беспокоился по поводу того, что мои записи могут попасть в чужие руки, и личная жизнь моих друзей может стать народным достоянием. Поэтому я решил записывать их в стиле фэнтези с вымышленными именами. В итоге получился неплохой сборник различных историй, которые так и просились объединиться в единый сюжет.

Вторая группа историй собралась за счет моих снов, которые я также записывал, чтобы не забыть о них. Особенное внимание уделял тем снам, которые повторялись или имели общую сюжетную линию. Их я записывал с особой дотошностью к мелочам и деталям, а позже они вошли в сборник рассказов, а затем в эту книгу.

В общем, и здесь я не изменил своим традициям написания книг за счет своих разрозненных записей. Поэтому и по поводу данной книги я не смогу ответить на очень частый вопрос, который получаю в свой адрес, о сроках написания книги. Ведь если считать время написания всех своих пометок и коротких заметок, то это множество лет, а если считать время их объединения, то всего лишь несколько месяцев.

На самом деле, сказки – это прекрасная возможность описания текущих событий под вуалью вымышленности.

Предисловие седьмого года

До наших дней дошли множество древних летописей, многие из них не расшифрованы и по сей день, а некоторые не только расшифрованы, но и переведены на многие языки и представлены на обозрение широкой публики. Больше всего свитков найдено на эльфийском языке, для историков фэнтези не составляет большого труда переводить их, но чаще эти записи о каких-то растениях, животных, описание различной местности. Есть также описание важных исторических событий древности. Но, к сожалению, все эти записи разрозненные, в связи с чем крайне непросто, получив летописи нескольких авторов, сопоставить факты и выявить хронологию различных историй и разобраться, какое событие предшествовало тому или иному историческому факту.

Гораздо сложнее работать с записями гномов, которые не утруждают себя долгими описаниями чувств, эмоций. Они просто четко и максимально точно описывают то или иное событие. Они не станут описывать, что именно вследствие того, что у какого-то короля не хватало земель, что его земли были перенаселены, во избежание восстаний внутри государства он пошел войной на соседнее королевство. Гномы это описали бы просто: в таком-то году такой-то король повел на соседнее королевство свою армию, состоящую... (далее была бы приведена подробная количественная и качественная характеристика тех или иных родов войск). Было сражение там и там, между такими-то и такими-то войсками. Куда точнее они описывают различные характеристики, инженерные особенности всевозможных сооружений, принципы устройства и работы какого-то механизма. Гномы в своих летописях доходят вплоть до описания состава металла и описания каждой мельчайшей детали какого-либо устройства.

Мой друг, историк фэнтези, увлекающийся изучением древних секретов строительства, поделился со мной своим изумлением по поводу одного открытия. Он обнаружил металлические пластины с записями гномов, которые в корне отличались от привычных нам записей. Уникальность данной находки заключалась в том, что гномьи руны очень подробно описывали чувства, эмоции, переживания знаменательных личностей и простых граждан, их роль в исторических событиях.

Подобная дотошность в эмоциональных составляющих была явно не свойственна гномам. Разумеется, если сравнить данные записи с подробными летописями эльфов, эти заметки гномов можно было бы назвать кратким содержанием предыдущих серий эльфийских томов. Однако такой подробности в описании исторических событий от гномов ранее мы не встречали.

Именно из-за этой дотошности в обнаруженных записях мой друг, заинтересовавшись этим неординарным феноменом, приступил к переводу летописных пластин, но его ожидало глубокое разочарование, ведь рассчитывал он получить описания каких-то новых для всех нас ранее неведанных хитрых механизмов, а большая часть записей была посвящена событиям давних лет. Поэтому он и отдал его одному автору фэнтези в надежде, что тому могут принести пользу данные сведения в его работе, но только этот автор отказался работать с данной информацией, ведь работа предстояла большая: нужно все проанализировать, сопоставить, упорядочить и перевести на обыденный язык, принимаемый на слух рядовыми читателями.

К тому же его насторожил тот факт, что события, описанные гномом, слишком подробно изложены, из чего следовал вывод о недостоверности этих сведений, принял это за чью-то шутку. Сомнений же в том, что это написал гном, не возникало, ибо на языке гномов писали только сами гномы. Да и вовсе там просто рассказывался один лишь поход жителей небольшого города, которые были вынуждены покинуть свои жилища, там даже не говорилось о причине ухода этих людей, не упоминались основания для этого странного путешествия. И логичного

завершения этой истории тоже не было. История обрывалась так же внезапно, как начиналась повествоваться, эти люди даже не дошли до места назначения.

Когда я услышал эту историю, меня тоже насторожила одна особенность. Во всех летописях древности автор-летописец хоть как-то упоминал о себе в своей летописи, а в данном случае не было понятно, кто пишет, откуда ему стало известно об этих событиях, а главное, было четкое упоминание, что в походе участвовали люди, эльфы, представители смешанных рас, но гномов там не было. Причем ни одного гнома в этом походе! Об этом прямо было сказано, что гномов среди них не было.

Несмотря на данные нестыковки, я все же решил изучить подробнее эту летопись и стал собирать информацию о том, где еще встречались подобные записи гномов. Поиски мои быстро увенчались успехом, и мы наткнулись еще на один схожий экземпляр заметок гномов. Правда, в нашей новой находке говорилось о далеком походе мага на запад и о его коварстве; единственным совпадением было то, что имя этого мага упоминалось и в первой летописи. И снова по итогам изучения пластин оставалось больше загадок, чем ответов, ведь единственная зацепка в редком имени мага не выдерживала критику в описании его характеристик. Словно то были разные люди: первый герой своего народа, рассудительный, добродушный, желающий помочь всем людям, а второй кровожадный тиран, жестокий и коварный лжец, разжигающий раздор среди людей.

Однако к тому времени механизм сбора информации был запущен, и ко мне уже обратились другие фэнтезисты с разрозненными небольшими обрывками летописей гномов. Основным критерием выбора, заинтересует ли нас та или иная летопись, выступал тот факт, чтобы летопись была написана на языке гномов и достаточно подробно описывала исторические события.

В последующем была выполнена тяжелая и долгая работа по изучению различных записей, выделению из них относящихся к нашей истории, упорядочиванию их. В конце концов, словно мозаику, мы собрали историю про одного мага, вокруг которого развернулись исторические события. Теперь уже не оставалось сомнений, что это не просто чья-то шутка, эти записи повествуют о реальных событиях и были сделаны в самые древнейшие времена, ведь частички этой истории мы находили в самых различных уголках нашей планеты. Нам его присылали самые неожиданные люди: историки, фэнтезисты, ученые в других сферах деятельности и даже некоторые домохозяйки, коллекционирующие необычные артефакты, которые хранили эти пластины, как предметы интерьера, ранее не понимая их истинной ценности и содержания.

Ответ на самый главный вопрос мы нашли также неожиданно, когда обнаружили описание того же автора-летописца особенностей различных рас. Среди перечисленных там рас были известные нам и раньше, такие как эльфы, гномы, тролли, а также такие, про которых я раньше и не слышал. Речь шла о расах, которые произошли вследствие кровосмешения. Этот факт навел на мысль о том, что, возможно, и наш автор не был чистокровным гномом и поэтому себя не относил к этой расе, но владел языком и вел записи именно на этом языке.

При этом некоторые летописи были обнаружены несколько десятков лет назад, и тогда они были непонятны, историки не могли сопоставить факты и понять, о чем именно идет речь. Когда же мы приступили к их подробному изучению, то обнаружили описания городов, земель, упоминания о событиях древности, которые ныне опубликованы в больших произведениях и известны многим ученым и простым читателям. Хотя эти летописи были обнаружены и переведены даже еще ранее, чем те хроники, которые ныне всеми признаны и опубликованы.

В итоге лично я уже был убежден, что автор наш нечистокровный гном и описывает он реальные события, имеющие не только исторический интерес, но и интерес к судьбе конкретных героев.

Напоследок хочу только извиниться за то, что в некоторых редких случаях (буквально пару раз) для связки некоторых моментов между собой я писал от себя, а порой упустил слиш-

ком точные цифры или округлял их, но исключительно соблюдая правила математического округления. В оправдание себя могу лишь сообщить, что я работал с записями, сделанными на древнем языке гномов. И читатели, которые имеют достаточно глубокие познания о мире фэнтези, я уверен, меня понимают.

Что ж, приятного вам чтения!

Милинтил: Привал

*И горы магов запыхают,
Изгнанник горцев одичает,
Всеобщая война начнется,
Гнев мага каждого коснется...*

В те времена, когда различные расы перемешались между собой, в больших городах на улице не составляло труда встретить и крепкого гнома с бородой до пояса, и остроухого эльфа в своей белоснежной одежде, и смертных людей, хотя в те времена даже жизнь людей была намного продолжительнее, чем ныне (были отмечены случаи, когда некоторые короли доживали до трехсот лет), а также среди них множество других необычных для нас существ. Кроме привычных всем рас, появилось еще множество других: вследствие того, что различные расы жили рядом по соседству друг с другом, были постоянные кровосмешения.

И это не считалось таким существенным и оригинальным событием, когда в брак вступали представители близких рас, например, смертный и эльф, полурослик и человек, даже союз эльфа и гнома не приводил уже к бурным обсуждениям и серьезным последствиям, но, когда появлялись немыслимые супружества, никто не мог предвидеть, к чему это приведет. Кроме того, зачастую новые невообразимые существа появлялись из-за насильственных действий во время набегов кочевников или захвата одними расами территорий, занятых представителями других рас.

После появления крупных городов, из-за тесного сожительства различных рас, наступили очень беспокойные времена. В лесах вблизи гор орудовали орки, существа в некоторой степени похожие на людей, с темной кожей и обильной растительностью на теле. У некоторых все тело было покрыто короткой шерстью. Ростом они были невысокими, в среднем около 145—165 сантиметров, передвигались они, сильно сторбившись, порой касаясь своими длинными руками земли, часто передвигались вприпрыжку. Они были очень многочисленны и отличались жестокостью и кровожадностью. Злобу в них еще добавлял тот факт, что они были изгоями, как и тролли, гарпии, гоблины, в то время как многие расы достаточно мирно сосуществовали вместе друг с другом. Однако такое отношение людей, эльфов, гномов и других так называемых «благородных» рас можно было оправдать тем, что зачастую основными нарушителями мира, спокойствия и порядка выступали такие расы, как гоблины, орки, тролли и другие менее цивилизованные представители.

Хотя орки были не такими хорошими бойцами в ближнем бою, но у них были неплохие лучники (конечно, они не могли сравниться с лучниками эльфов, но все же основу их войска составляли именно лучники), и благодаря своей численности они часто совершали набеги на деревни. Данные разбойные налеты были уже столь частыми, а учитывая некоторые небольшие их вылазки в крупные города, появилась большая многочисленная раса полулюдей-полуорков, которых прозвали фастулами.

Вначале при рождении ребенка с явными отклонениями его сразу же умерщвляли, но все же большая масса обиженных женщин добились издания закона, запрещающего умерщвлять детей, пока они не проявят явную враждебность. С этого правового смягчения и началось заселения мира самыми странными существами. Безусловно, полулюди-полуорки были самыми многочисленными, они были очень похожи на людей, легко выучивались человеческой речи, но у них была темная кожа и сохранялись орочьи повадки. Они передвигались сторбившись, иногда вприпрыжку, свесив руки вниз, которые казались более длинными, чем у обычных людей. Они отказывались есть при помощи ложек или палочек, реже остальных мылись и игнорировали некоторые другие нравственные обычаи людей. При этом, чувствуя свои отличия

чительные особенности, старались держаться вместе, по возможности защищать и помогать друг другу.

Сирингор также был одним из представителей необычной расы, поскольку был рожден после того, как его мать, обычная смертная женщина, сбежала после долгого плена из пещеры тролля. Так Сирингор, в первую очередь, получил в наследство от своего отца-тролля богатырскую силу, рост почти в два с половиной метра и смуглую кожу. Женщина была похищена горным троллем, или иначе их еще называют пещерными троллями, потому что жили они в горах преимущественно в темных сырых пещерах и отличались от своих сородичей, болотных троллей, главным образом цветом кожи: пещерные тролли обладали темно-серым цветом покрова тела, а не зеленым, как у болотных троллей. Рост Сирингора хоть и был великоватым по сравнению с ростом обычных людей, но все вставало на свои места, если учесть рост самих троллей, которые обычно достигали четырех метров.

Сам Сирингор был молчалив, словно постоянно погружен в свои мысли. Его необщительность легко объяснялась тем моментом, что многие не желали с ним иметь ничего общего. Люди распускали разные слухи, говорили, что он также перенял от троллей людоедство, ненависть к людям. Самым близким другом у Сирингора был Агвинар, юный маг, принадлежащий к роду людей, который посвятил всю свою жизнь изучению магии.

Он начал проявлять интерес к волшебству с юных лет и был направлен в местную школу магии, где показывал непревзойденные результаты и по праву считался одним из лучших учеников той школы чародейства, после чего ему было позволено отправиться на гору Асантил, что была расположена на севере от их городка Милинтила, где-то в сотнях километров. На вершине горы Асантил нашли приют многие старые маги, которые проживали свои последние дни в поисках новых знаний, изучая законы природы, экспериментируя с лекарственными травами, делаясь своим опытом друг с другом и обучая юных магов.

Магов для обучения они отбирали тщательно, только самых достойных и способных они соглашались принять к себе. Агвинара встретили с радостью, когда увидели его навыки и познания, после чего он несколько лет обучался на Асантиле, пока не был изгнан за проявление излишнего интереса к магии войны. В то время как колдуны Асантила посвящали большую часть своего времени изучению тайн лечения, магии природы, созданию прекрасного, максимум, что они могли себе позволить, это знать несколько заклинаний защиты. Агвинар же с детства уделял много времени изучению военного искусства, владению мечом и заклинаниями разрушения.

В последующем, когда нападения орков участились, на фоне общей неразберихи там и тут вспыхивали войны, мелкие государства захватывались более сильными и могучими, хотя считалось, что по всей планете существует только одно государство и везде действует единый закон, а высшая власть сосредоточена на Высшем Совете мудрейших представителей пяти рас: людей, эльфов, гномов, лисцент и полуросликов. Роль королей считалась формальной в дань уважения старым традициям и сводилась к идее, что на местах короли всего лишь изъявляют волю Высшего Совета и следят за порядком. Хотя фактически некоторые короли уже перестали повиноваться требованиям и распоряжениям Высшего Совета. Учитывая все указанные факты, Агвинар был убежден, что войны никому не избежать, и в конце выживут только те, кто будет достаточно подготовлен к этой войне, будет лучше других владеть оружием и магией.

Поэтому Агвинар со своими друзьями с детства все свое свободное время в основном посвящал тренировкам, они упражнялись в стрельбе из лука, боях на мечах, часто путешествовали по окрестным лесам, а также иными способами готовились к военной карьере. Практически все игры сводились к военной тематике или выживанию в самых сложных условиях. В свое время Агвинар даже заказал у гномов, живших в пещерах горы Валниерис, меч из специального сплава по его собственным эскизам. Гномы вначале задумались над тем, принимать ли за работу в связи с сомнениями по поводу способности юного мага оплатить их

труд, но не обманули его и в течение нескольких месяцев ковали меч из специального сплава, а Агвинар получил свой меч. Кроме гномов никто не знал, что это был за сплав, а те, в свою очередь, хранили в строжайшей тайне свои кузнецкие секреты. Ясно было то, что в его состав входило древнее серебро гномов, и то, что мечи у них были легкими и прочными.

Меч Агвинара был с длинной рукоятью и длинным лезвием. На лезвие были нанесены надписи на древнем эльфийском языке: «Меч гномов Валниериса для Агвинара из рода Сирудов» и на другой стороне: «Боринзагора – меч, сражающий на расстоянии».

Сомнения гномов в платежеспособности Агвинара были напрасны, поскольку у него самого и у его друзей карманы всегда были полны золотых монет. Агвинар, прекрасно разбирающийся в травах и грибах, собирал их в близлежащих лесах и готовил из них чай, приправы к блюдам. Вначале они торговали только в своем городке, но затем начали возить товар в Торни-Урбен, который был намного больше Милинтила, соответственно, и покупателей там было больше. Они продавали чай, приправы, но большим спросом пользовались лечебные травы, табак и грибы для смеха. Два последних продавались лучше всего, ведь кто-либо, один раз купивший табак или сушеные грибы для смеха, обязательно покупал еще и еще, и с каждым разом все больше. Агвинар знал о вреде табака и грибов для здоровья и поэтому не продавал их в своем городе, но находились другие купцы, с которыми они пытались некоторое время бороться, но, поняв бесполезность своей затеи, перестали обращать на это свое внимание.

В очередной раз возвращаясь после удачной торговли из Торни-Урбена, в лесу Синемус Агвинар со своими друзьями остановился на привал. Они уже проехали около трехсот километров, оставалось еще около ста пятидесяти до Милинтила, но, проголодавшись, усталые, они расположились на небольшой поляне.

– Предлагаю немного свернуть с пути, – обратился к своим товарищам Агвинар, – и собрать грибов в Южном лесу.

Сирингор сидел в тени дерева и ничего не ответил, но полурослик Вактин встал на ноги с важным лицом, с каким обычно полурослики выступали с песнями и рассказами на публике. Полурослики мало чем отличались от обычных людей, не считая своего невысокого роста в один—полтора метра.

– Но мы ведь совершенно не разбираемся в грибах, почему бы тебе не пойти одному или с Сирингором, например, – предложил Вактин.

– Я поддерживаю Ваки, – улыбнулся эльф Сельфиан.

Сельфиан был высоким широкоплечим эльфом, что его немного отличало от своих сородичей. Обычно эльфы обладали легкоатлетическим телосложением, и не припомнятся случаи, чтобы эльфы страдали ожирением, но Сельфиан был на удивление крепким, широкоплечим эльфом и обладал большой физической силой, поэтому носил длинный меч, наподобие меча Агвинара, в то время как другие эльфы большее предпочтение отдавали коротким изогнутым мечам, да и вовсе редко использовали мечи в бою, их излюбленным оружием, конечно же, был лук со стрелами. Справедливым было то утверждение, что не было равных им в искусстве стрельбы из лука. Да, орки также неплохо обращались с луком, но это лишь как следствие дальнего родства с эльфами (как и острые уши), ведь орки впервые произошли от измученных эльфов, души которых, в конце концов, поглотила тьма.

– Посмотрите на него, – тряхнул своей бородой Холгин. – Это я должен поддерживать нашего маленького друга, это у нас с ним короткие ноги.

Действительно, гномы ведь мало отличались ростом от полуросликов, в среднем их рост составлял от 110 до 150 сантиметров. Хоть и Холгин был еще юн, но уже в возрасте двадцати четырех лет имел роскошную бороду, которую порой он заплетал в косу.

– Холгин, мой друг, – засмеялся Агвинар, – не хочешь ли ты сказать, что гномы, которые всегда отличались могучей физической силой и немислимой выносливостью, не могут пройти

лишнюю сотню километров? Все ясно, вы просто хотите быстрее домой. Что ж, идите же, я пойду один.

– Твое красноречие на нас уже не работает, маг, – ответил Холгин, а Сельфиан кивнул головой в знак согласия.

– И пробудить жалость в наших сердцах у тебя не получится, – произнес эльф, но тут же замолчал и поднял руку в знак просьбы сохранять тишину.

Распознав жест эльфа, Холгин тут же упал на землю и прижался своим ухом к земле:

– Орки, – сделал вывод он.

– Да, – подтвердил Сельфиан. – Их около двух дюжин.

Ваки тут же начал собирать вещи:

– Надо срочно уходить. Быстрее в город.

– Мы можем с ними справиться, – обнажив свой меч, торжественно произнес Сельфиан.

– Это, скорее всего, отряд разведчиков, – предположил гном, также приступив к укладке вещей в вещевые мешки. – Они идут строем тихо. Это определенно разведчики. Мы можем попасть в засаду.

– Давайте же сразимся! Мой меч так давно не отвеживал орочьей крови! – все настаивал Сельфиан.

– Я поддерживаю Сельфиана, – наконец вступил в разговор Агвинар. – Если это разведчики, надо бы узнать, что собой представляет все их остальное войско и куда они направляются. Поэтому мы сразимся.

– А как же товар? – поинтересовался Ваки.

– Ты уведешь лошадей с товаром и деньгами.

– Один?

– Холгин проводит тебя, а остальные пойдут со мной. Холгин, оставишь на время своего слугу.

– Куда мой господин, туда и я! – возразил, встав на ноги, фастул Кро.

– Холгин, скажи ему! – с ноткой гнева произнес Агвинар. – Он же больше никого не слушается. Упрямая тварь!

Гном кивнул головой своему слуге, после чего Кро поднял с земли свой косою меч, убрал его за спину в ножны, недовольно посмотрел на мага и, склонив голову, направился к лошадям, которые мирно пощипывали траву рядом со своими хозяевами.

– Все, вперед, – скомандовал Агвинар.

– Да! – восторжествовал Сельфиан.

Агвинар, Сельфиан, Сирингор и Кро сели на своих коней и поскакали в лес. Гном с хоббитом вывели караван на дорогу и повели его к Милингилилу.

Проскакав немного по лесу в южном направлении, скоро Агвинар со своими друзьями вышли на дорогу и продолжили свой путь по дороге на запад.

– Они уже рядом, – тихо предупредил Сельфиан.

– Да, – подтвердил Агвинар. – Хоть у меня и не уши эльфа, но даже я их теперь слышу. Они совсем уже вольготно чувствуют себя в этих лесах. Мы расположимся вон на том холме.

С вершины небольшого холма рядом с дорогой, куда поднялись молодые воины, Агвинар осмотрелся по сторонам и предложил привязать лошадей к деревьям, растущим поблизости. После того как они привязали с другой стороны холма своих лошадей и вернулись на холм, ждать пришлось недолго. Вскоре появился отряд орков, которые шли довольно тесной группой. Хотя в этой группе нельзя было разобрать рядов и колонн, но орки считали, что они идут строем. Около тридцати орков держались в тени деревьев, стараясь избегать прямых солнечных лучей.

Агвинар достал свой лук и приготовил стрелу. К этому времени Сельфиан уже стоял рядом с деревом в зеленом эльфийском плаще и целился в отряд из лука.

Когда отряд почти достиг подножья холма, Агвинар окликнул их с требованием представиться и сообщить о своей цели данного похода, но вместо ответа один из орков выпустил свою стрелу в сторону холма, даже не видя своего врага, ориентируясь только на звук. В тот же момент Агвинар отпустил тетиву, и его стрела устремилась в сторону орков. Следом сразу же последовала стрела Сельфиана. Хотя эльф выпустил свою стрелу только после мага, но она поразила свою цель даже раньше. Пока орки опомнились, еще два их сородича упали на землю с торчащими стрелами из груди и шеи. С дикими криками орки побежали к нападавшим, на ходу выхватывая свои изогнутые мечи. К тому времени, когда они прошли половину своего пути к вершине холма, еще пять орков упали, сраженные стрелами эльфа и мага. В тот день не знали промаха стрелы двух друзей из Милинтила.

Уложив дюжину воинов врага стрелами, юные воины отбросили луки в сторону и обнажили свои мечи. Боринзагор ярко сверкнул в лучах солнца, пробившихся сквозь густую листву вековых деревьев. Ослепленные этим ярким светом, орки на секунду замешкались, что фактически и послужило причиной гибели еще четырех орков, так как Агвинар уже со своими друзьями накинута на них с вершины холма. Орки взбирались на холм неровным строем, ведь не было в отряде воинов с одинаковой скоростью, кто-то бежал быстрее впереди, кто-то отставал. Поэтому Агвинар со своими воинами просто по очереди и безнаказанно истребляли орков.

В конце два орка были захвачены живыми. Они лежали на земле, с ужасом рассматривая странный отряд, состоящий из человека, эльфа, фастула и гиганта, сравнимого по телосложению с юным троллем.

– Сколько вас? – повелительным тоном спросил маг, подойдя к одному из орков. – Куда вы идете?

Орки молчали.

– Советую вам начать говорить сейчас же, если не горите желанием испытать боль, которую никто из живых существ еще никогда не испытывал!

Агвинар протянул руку к орку ладонью к его лицу, затем сжал руку в кулак и потянул руку к себе, словно пытался что-то вырвать из тела врага. Орк начал извиваться от боли, издавая страшные пронзительные вопли ужаса и мук.

– Скажу-у-у, – взвыл, преодолевая боль, на своем языке орк.

Агвинар разжал ладонь.

– Нас больше тысячи, – начал орк. – Мы идем на Милинтил. За нами еще тысячи. Убегайте! – продолжал на местном наречии орк. – Спасайтесь! Теперь эти земли будут наши! – диким хохотом засмеялся орк.

– Тихо! – громко скомандовал маг, да так, что деревья содрогнулись от его властного гневного голоса. – Вы ошибаетесь! Мы духи леса, и сколько бы вас ни было, мы не позволим вам пройти через наши рощи! Идите, болваны, передайте своим, что вы не пройдете через этот лес! Мы древние духи леса и никого не пропустим через наши земли!

Орки встали на ноги и, не оглядываясь, с ужасом в глазах побежали прочь.

– Мы отпустим их? – спросил Сельфиан.

– Да, пусть идут, – теперь уже спокойным ровным тоном ответил Агвинар. – Когда они расскажут своим о случившемся и напавших на них духов леса, они, конечно же, не передумают, но будут некоторое время в замешательстве и станут передвигаться осторожнее, а значит медленнее. Мы выиграем время, сможем подготовиться. А теперь вперед в Милинтил. Надо всех предупредить о предстоящем нападении.

Бестелесные: Подселение

*Сострадание ко всему живому
Не даст лесному народу свободу,
Но освободит учения
Истины мирсотворения.*

Группа из восьми воинов, одетых явно не по погоде, медленно пробиралась по узкой тропе сквозь густую лесную чащу, где высокие деревья с огромными листьями, которые были только на их макушках, росли не столь плотным строем, но между ними была беспросветная стена кустов с такими же голыми стволами, как у их старших братьев. Разве что стволы были едва ли толще рукояти меча, а все эти кусты между собой были связаны воедино вездесущим вьюном, который в этом лесу обвивал стволы деревьев, переплетался между собой, свисал повсеместно с веток.

«Удивительно, что мы смогли отбить эти земли себе», – молча размышлял мужчина по имени Стизор с виду лет сорока, ибо на лице его были уже морщины, хотя и не столь глубокие. Его русые волосы местами прореживала седина, которая также прослеживалась и на его густой, но не очень длинной бороде. Действительно, эти земли были для них совершенно чуждыми. Сквозь эту непроглядную чащу нельзя было разглядеть ни человека, ни животное даже с расстояния одного метра. По этой причине они и не снимали свои тяжелые доспехи, которые к тому же были изготовлены исходя из климатических условий их родных земель с далекого севера.

Нагрудные металлические пластины были утеплены мехом с внутренней стороны, собственно, как и остальные элементы их доспехов. Наплечники, более того, были покрыты плотной шкурой северных пушных зверей, вот только их шерсть теперь не переливалась на солнце и не играла от ветра, словно ковыль в поле, как это было ранее, а от большой влажности, которая не покидала эти земли даже в самый сильный зной, все меха намокли, слиплись и дурно пахли. Стизора не покидало ощущение, что он на своих плечах несет мертвых куриц, которых умертвили и даже ошпарили в кипятке, но выщипывать перья по какой-то причине не стали. Желание снять эти доспехи не покидало всю дорогу, но стремление пожить еще немного на этом свете было выше, поэтому все воины молча тащили на себе свои латы, пристально вглядываясь в лесную чащу, хотя это было абсолютно бесполезным занятием, ибо разглядеть ничего не удавалось.

Прошло уже несколько лет, как их соплеменники впервые высадились на своих больших парусных лодках в эту страну. Стизор прибыл гораздо позже, чуть более года назад, и поэтому не участвовал в первых сражениях, когда изначально их лодки только достигли побережья этой страны и за счет внезапного нападения отбили несколько портовых городов и углубились вглубь материка к бескрайним полям. Также до его прибытия прошли кровопролитные и жестокие битвы, когда местные ополченцы вместе с остатками армии смогли отбросить захватчиков до самого побережья, но не смогли обратно отбить свои портовые крепости и были вынуждены отступить. После чего крупных сражений не было, но периодически вспыхивали восстания в некоторых поселениях, а порой устраивались засады на караваны с провизией, которые собирались в долине и через лес переправлялись в порт, а оттуда уже на родные острова Стизора.

Собственно, ради продовольствия и была организована самая первая экспедиция после того, как в один особенно холодный год весь урожай погиб, а в сезон штормов рыбачить было крайне рискованно, и обычно в это время, если вечером возвращалась хотя бы половина рыбацких лодок, вышедших утром в море, это считалось хорошим результатом. В тот год

погибло много людей, причем больше от голода, нежели от штормов, и тогда и было принято это решение о походе, доверившись рассказам старого моряка, который был чужаком среди них, но остался жить после того, как его корабль потерпел крушение поблизости их островов. Он один выжил из всей команды, был в тяжелом состоянии, позже оклемался, выучил их язык, и излюбленным занятием его стало развлекать всех своими рассказами о южных странах, где ему доводилось бывать.

Из всех королевств и портов, упоминаемых в его повествованиях, чаще всего он описывал чудесные земли, где еда валяется под ногами и висит над головами. «В этой стране попросту нельзя умереть с голоду, – восторгался он, предаваясь своим воспоминаниям. – Не знаю, зачем они обрабатывают почву, сеют и собирают урожай, кстати, делают они это по три раза в течение года, ибо зимы у них не бывает. Зачем это им, нам совершенно не было понятно, ведь еда там повсюду и сама лезет в рот. Даже если ты настолько ленив, что тебе не хочется протянуть руку, чтобы сорвать чудесный фрукт, то ты случайно собьешь его лбом, когда будешь гулять. Если ты еще ленивее, что прогулки не для тебя, и ты решил прилечь в тени деревьев, то можно просто лежать под густой листвой, а, проголодавшись, лишь открыть рот, как туда тут же упадет какая ягода или иной изысканный плод. Ну, хорошо! Конечно же, вы догадались, что сейчас я приукрасил, но Ултав никогда не врет, поэтому признаюсь честно. В рот прямо не упадет, придется все же напрячься и руку протянуть, чтобы подобрать с земли фрукт, упавший рядом».

В первое время Ултаву никто не верил. Все были уверены, что во время крушения он сильно ударился головой и явно не в своем уме теперь. Вот только в тот голодный год, когда все запасы были опустошены, по весне не было семян для нового посева, а в сердцах людей поселился страх очередного голодного сезона, люди были готовы поверить во что угодно. Тогда старейшины нескольких племен решили собрать совместный флот и отправить его на юг в поисках этих блаженных земель. В случае же неудачи сказочника было велено обезглавить и отдать на корм рыбам, а на обратном пути навестить другие земли, которые они ранее часто грабили, пока не вмешался Высший Совет. Теперь же влияние Высшего Совета на их островах давно практически уже не ощущалось, к тому же они оправдывали себя моральным правом на такие грабежи тем, что в тот момент, когда их дети умирали от голода, помощи от Высшего Совета не поступило.

Прибыв сюда, северяне, конечно же, были поражены плодородием местных полей и лесов, вот только встретили такое ожесточенное сопротивление от коренного населения, что понадобилось несколько месяцев, пока им удалось обосноваться в одном порту, собрать первую партию продовольствия и отправить на родные острова. Затем понадобилось еще несколько лет, чтобы подавить все основные очаги сопротивления и наладить регулярные поставки. Вот только Ултав не смог увидеть ни первый караван, ни первую отбитую крепость, и погиб он не от меча или стрелы во время сражения, а от укуса какого-то насекомого.

В первый же день, как только они сошли на берег, у него к вечеру распух лоб над правой бровью, Ултав пояснил, что его какая-то мошка с необычайно узкими и длинными крыльями укусила. К утру его брови и веки распухли так, что он не мог открыть глаза, а по всему лицу, начиная от места укуса, поползли темно-синие линии вен. Лекари, пытаясь ему помочь, даже вскрыли ему брови и лоб, на некоторое время опухоль действительно спала, но к вечеру его свалила лихорадка, а через три дня, так и не придя в себя, он испустил последнее дыхание.

Лесная чаща расступилась перед путниками с необычайной внезапностью без привычного предшествующего этому событию просвету в листве, и перед ними раскрылась широкая равнина с бескрайними жгуче-зелеными полями, умышленно подтопленными водой местными земледельцами. Поля были разделены на ровные прямоугольники, чьи четкие грани и правильные формы могли бы конкурировать с пчелиными сотами. По левую руку, у подножья скалы, рядом с небольшим водопадом расположилось достаточное крупное селение, пре-

имущественно состоящее из хижин, сооруженных из стволов тех самых кустарников, которые росли здесь повсеместно.

– Ну, что скажешь, мой друг? – громко приветствовал Стизора и его путников высокий атлетического телосложения мужчина с грубыми чертами лица, полностью лишенный волосаго покрова на голове, но с густой бородой, заплетенной в одну толстую косу. – Я превзошел твои навыки следопыта и определил, по какой именно тропе вы пойдете к нам, а главное – даже рассчитал время вашего прибытия.

– Кого ты пытаешься обмануть, Гонфрид? – усталым, но достаточно бодрым голосом ответил ему Стизор. – Старцы туземцев тебе помогли, что, собственно, и пугает меня в этих землях. Они знают о нашем маршруте до того, как мы определим его себе сами.

– Дивный край! – прохрипел Гонфрид и обнял своего друга, который более чем на голову был ниже его, а тот в ответ обхватил его обеими руками и похлопал по плечу.

– Я безмерно рад нашей встрече.

– Можешь не сомневаться, я также. Более того! Для нас твое появление дар небес и, несомненно, хороший знак. Раз ты здесь, значит, порт и старая крепость работают как часы и более не нуждаются в твоём присутствии.

– За это можете не беспокоиться, – попытался заверить Стизор, но голос выдавал его опасения по поводу того, что как бы не пришлось вернуться обратно, если его преемники не справятся.

– Плевать на все! – скривил свой рот в подобие улыбки Гонфрид, но больше походившим на оскал, хотя глаза его горели искренней радостью. – Сейчас ты заслужил лучшую выпивку и отдых! Давай мы уладим одну формальность – определим тебе жилье, и я покажу тебе свой кабак.

– Я же просил выделить мне отдельный дом, – возмутился Стизор.

– Если для тебя столь принципиально, можешь разместиться в общей казарме, – получил он в ответ. – Не до отдельных дворцов сейчас. Я сам до сих пор живу в хижине, как и все остальные.

– Но время и силы для кабака вы нашли, в то время как к строительству крепостной стены еще даже не приступили, а для меня лачугу соорудить не удосужились, хотя я просил об этом пару лун назад.

– Если бы наши отцы не дружили так близко и не поклялись в братстве, я бы придушил тебя еще в детстве! Вот как тебе удастся своим занудством испортить абсолютно любое событие?! Следуйте за мной, воины! – перешел на формальную речь огорченный Гонфрид.

Определение жилья, по сути своей, означало выбор женщины из числа местных жителей, к которой и заселялся командир отряда оккупантов или иной значимый деятель: строитель, капитан флота или летописец вождя. Стизор пытался сопротивляться этому каждый раз, но в итоге выбор был невелик: оставаться на лодке, заселяться к воинам или согласиться на совместное проживание с одинокой вдовой, которая потеряла мужа или сына, а возможно, и обоих. Причем потеряла своих мужчин как раз в войне против соплеменников Стизора, а поэтому мечтала отравить или перерезать горло спящему сожителю.

– А вот останки единственной женщины, которая решила отравить нашего воина, – словно прочитав мысли Стизора, похвалился воин по имени Хорав, который шел рядом с Гонфридом, указывая на парочку костей, болтающихся от ветра, подвешенных за перекладину высокого столба перед входом в селение. – Еще пару недель назад там висел весь скелет, но сезон дождей постарался, а на днях ветром сорвало остальные кости. Несмотря на то что от этой женщины остались только кости запястья, память о ней и необходимости учтвого отношения к нам живет в головах каждого жителя этой деревни.

Никто не стал каким-либо образом комментировать данный экскурс Хоравы, но не бросить взгляд на останки бесчестной убийцы они не смогли. В поселении, состоящем в основ-

ном из стариков, женщин и детей, все по-разному относились к этой группе воинов в тяжелых доспехах и уже приноровившихся к местному климату мужчин в более легкой одежде.

– Это Лоуси, – представил местного худощавого старика Гонфрид, который низко кланялся и указывал на девушек, стоящих перед ними. – Он чуть глупее наших псов, – далее пояснил островитянин. – Он также окликается на свою кличку, понимает большинство наших команд, но говорить так толком и не научился. А это еще что такое? – далее возмущенный взгляд северянина обратился к старцу. – Ты же говорил, что у вас нет грудастых. Я прямо у тебя спрашивал, а ты говорил, таких нет. Ты почему мне раньше не показывал эту даму?

– Ты сказал, большой господин, – с писклявым акцентом отвечал ему Лоуси, словно выдавливал из себя каждое слово, а вены на его тонкой шее от этого набухали так, что казались готовыми разорваться и лопнуть, – Уважаемый, ты сказал. Лучшую женщину надо, ты сказал. Очень большой господин, ты сказал.

– А я, по-твоему, кто? – замахнулся в желании ударить его воин. – Конский член, что ли?

– Не знаю «член», – покачал головой старик, не пытаясь уворачиваться от возможного удара, – конский, конечно. Господин конский.

Даже Стизор в этот момент не выдержал и засмеялся во весь голос, а его друг, видя смех своего сурового товарища, пожимал плечами:

– Ну вот, что ты с них возьмешь. Назвал меня конским, потому что в его голове, лишенной мозгов, конь ассоциируется с достатком. А ты говоришь про крепость. Про кабак. Кабак нужен здесь больше, чем каменная стена вокруг селения. Боевой дух воинов должен быть крепче любых стен, а как его без хорошего питейного заведения поднять в этой проклятой земле.

Девушка, о которой говорил Гонфрид, действительно отличалась от других. Она была на голову выше всех остальных, ее волосы были смолисто-черного цвета, в отличие от преобладающих русо-выцветших волос местного населения. У нее была такая же смуглая кожа, но размер груди был практически сопоставим с формами женщин, которых северяне привыкли видеть на своих островах. Остальные девушки вовсе казались все на одно лицо, одного типажа, спутать их было проще простого. Одна из первых шуток, которую придумали соплеменники Гонфрида, прибыв на эти земли, заключалась в предположении, что мужья местных женщин не могут отличить своих жен от других, как и жены их никогда не пытались это сделать в отношении своих мужей.

Разве что взгляд некоторых девушек отличался. Так и в данном случае, некоторые, утомленные скорбью, притупили свой взор в землю, некоторые смотрели с ненавистью, хотя Лоуси беспрестанно делал им какое-то замечание на своем наречии, но даже в этом случае кто-то выдавливал из себя улыбку, а кто-то пронизывал старика испепеляющим взглядом, от которого тот еще сильнее прижимался к земле, хотя и ранее он стоял, сгорбившись параллельно земле. Среди них была и та, у которой глаза горели, и она с неприкрытым интересом разглядывала Стизора.

В итоге Стизор, практически не раздумывая, ткнул пальцем на одну босую девушку, которая выглядела не старше двадцати лет, но накопленная мудрость в глазах свидетельствовала, что она едва ли младше Стизора. Девушки в этих землях, то ли в силу своего невысокого роста, то ли за счет какой-то магии, все выглядели гораздо младше своих лет. Поэтому об их истинном возрасте можно было только гадать, а когда спустя месяцы обитания среди них у островитян складывалось впечатление, что они уже научились точно разгадывать их возраст, в этот момент появлялась девочка, которая выглядела лет на пятнадцать, захватчики прибавляли к этой своей оценке на всякий случай еще пятнадцать лет, но для большей уверенности добавляли еще пять лет и высказывали свое предположение о ее возрасте в тридцать пять лет, а в итоге выяснялось, что ее внучке уже пятнадцать, а дочке через пару лет наступит тридцать пять.

– Друг мой! – положил свою широкую ладонь на плечо Стизора Гонфрид. – Ты уверен? Посмотри на эту женщину с грудью. Я готов уступить ее тебе, раз сам не заметил раньше.

– Я не за женской грудью сюда прибыл, – сухо и с глубокой тоской в голосе напомнил ему Стизор.

– Тогда эти груди я забираю себе! – торжественно заявил Гонфрид.

– У вас уже есть дом, милый лорд, – пытался протестовать Лоуси.

– Я переезжаю, – громко захохотал Гонфрид, и смех его, граничащий с истерикой безумца, ясно дал понять всем, что сейчас не время для споров.

Лоуси обронил короткие фразы на местном наречии, девушка, которую выбрал Гонфрид, что-то пыталась возразить, но старец поднял с земли камень и с силой швырнул в нее, продолжая изливать какие-то ругательства. Та ловко, с грацией лесной кошки увернулась от камня, буркнула какое-то проклятие на старика и потопала, поднимая пыль своими деревянными сандалиями, в сторону своей хижины.

Кабак Гонфрида выдался на славу, как искренне подметил Стизор. Он даже попытался создать атмосферу таверн с их родных земель, развесив черепа разных животных на стенах на фоне мехов хищных зверей. Он даже наладил пивоварение, результат которого после годовалого путешествия вдали от дома показалось его другу вполне пригодным к употреблению. Захмелев от напитков после долгой дороги, Стизор разоткровенничался и в один момент даже не давал вставить слово своим старым друзьям, но вскоре крепко обнял всех и попросил проводить его до хижины.

Там его ожидала хозяйка дома, которая приготовила в глиняном кувшине теплую воду, которой на крыльце она собственноручно омыла ему ноги. Стизор, который до жути боялся щекотки, пытался возразить, но его скромные познания слов местного наречия под влиянием пива не позволили ему внятно объяснить уязвимость его стоп, а женщина повторяла имя Лоуси и озиралась по сторонам. Решив, что этот старик запугал всех и держит своих соплеменников в неопишемом ужасе, Стизор согласился на формальную часть, но был крайне удивлен тем, что, когда мягкие ладони девушки нежно коснулись его ног, он не испытал чувства отторжения, ему не было щекотно в этот раз.

– Ядреное пиво, – вслух проговорил мужчина, оправдывая отсутствие щекотки.

После этого он снял свою одежду и принялся омыwać все свое тело, начиная с головы, шеи, рук и плеч. В этот момент закончилась вода. Женщина низко поклонилась, юркнула с крыльца за угол дома и тут же вернулась с новым кувшином теплой воды. В этот раз вода была не столь комфортной, как в первом кувшине, видимо, не успев остыть должным образом, и немного обжигала тело Стизора, но мысль о том, что обжигающая вода еще сильнее обжигает паразитов на теле, придала ему сил. По крайней мере, так его подбадривала бабушка, когда в младенчестве купала его, а он жаловался на температуру воды.

Умывшись, Стизор обернулся тонким полотенцем вокруг талии, взял свой меч и прошел в дом. Там маленький мальчик лет пяти и девочка одиннадцати лет стояли посередине хижины и низко поклонились ему, когда он вошел. Стизор крепче схватился за полотенце, дабы исключить его несанкционированное падение на пол при детях, а второй рукой прикрыл зачем-то свой живот и машинально поклонился в ответ, но, тут же опомнившись, махнул тыльной стороной ладони, словно пытаясь прогнать их. Дети молниеносно исчезли за перегородкой, которая делила хижину на две части.

– Учти! – громко пригрозил мужчина. – Чтобы они не шумели!

Девушка молча смотрела ему в глаза, словно пыталась прочитать в его взгляде, о чем он хотел сказать. Стизор, раздосадованный своей неудачной попыткой что-то объяснить человеку, не владеющего их языком, прошел вглубь комнаты и лег на кровать, сооруженную из того же материала, что и вся хижина. В этот момент девушка потушила лучину, освещающую комнату, подошла к кровати и хотела лечь рядом с ним, но Стизор оттолкнул ее и жестко произнес «нет»

на местном наречии. «Найди себе другое место для сна», – добавил он уже на своем родном языке. Хозяйка дома ушла спать к детям.

Засидевшись до глубокой ночи, Гонфрид также пошел в свою новую хижину, где на пороге дома его также встретила девушка, которую он выбрал днем в качестве своей новой служанки, с кувшином воды. Гонфриду также омыли ноги, как в доме на соседней улице часами ранее омывали ноги его друга. Только в данном случае воин ограничился мытьем ног и прошел в хижину, где там стояла девочка девяти лет с длинными и необычайно густыми волосами, такими же темными, как у ее матери. Она поклонилась гостю и отступила в сторону. Гонфрид взял за руку мать девочки и потянул в сторону кровати, но та попыталась выдернуть свою кисть из его цепких пальцев, за что получила разгневанный взгляд мужчины.

– Или ты! – громко произнес мужчина, силой ткнув пальцем в грудь девушки. – Либо она! – перевел свой указательный палец на девочку Гонфрид, и его новая рабыня покорна пошла за ним, хотя и не поняла его слов, но язык жестов и решимость во взгляде не оставили ей выбора.

Ульяна: Дождь

*Всех жизней ему уже не хватит,
Вину свою тогда лишь загладит,
Когда найдет он сил в себе
Улыбнуться магу и судьбе.*

Сквозь пение птиц в лесу и шелест листвы многовековых деревьев доносился звонкий смех девушек, которые беспечно шли по лесной тропе. Одеты они были в легкие летние платья, в руках несли букеты из различных цветов и трав, на первый взгляд которые выглядели не сочетающимися по цвету, но в то же время сейчас заслужили бы внимание знатного флориста. Одна из девушек шла босиком, хотя было видно, что они не из крестьянских семей и могут позволить себе достойную обувь на свои стройные девичьи ножки.

Веселый разговор и смех девушек тут же прекратились, когда им дорогу преградили несколько всадников, которые выехали с лесной тропы, примыкающей к основной дороге. Всадники тут же обступили девушек и начали подшучивать над ними, предлагая прокатиться вместе. Были они вооружены прямыми мечами, за поясом у всех торчали длинные ножи, у одного за спиной висел огромный боевой топор. Все были одеты в черную одежду, грудь, руки и ноги были защищены кожаной броней.

– Убирайтесь! – достаточно уверенным, но в то же время дрожащим голосом крикнула босая девушка, встав перед своей подругой. – Вы призваны сюда защищать наш народ, а не разбойничать здесь...

– Ха! Мне нравятся дерзкие, – подведя свою черногривую лошадь вплотную к девушке, ответил один из воинов. – Посмотрим, как ты будешь петь, после того как я научу тебя уважать мужчин.

Девушка молчала, но осталась на месте и смотрела прямо в лицо угрожающему ей мужчине с глубоким шрамом через всю щеку.

– Хватит! – потребовал другой всадник, который до сих пор стоял чуть поодаль, в отличие от остальных воинов вместо одного прямого меча у него за спиной висели два изогнутых.

Выглядел он моложе остальных, но, как и у всех, лицо его было изрезано морщинами и шрамами. Он подъехал поближе к девушкам, практически своей лошадью растолкав остальных. Остановившись возле них, он замер, пристально вглядываясь в зеленые глаза девушки. Та не отводила свой взгляд.

– Меня зовут Ансар, – представился он. – Прошу прощение за моих друзей. Вы совершенно правы, мы здесь для вашей защиты, и Торгуф шутил на самом деле. Но в одном он точно прав – собирается дождь, и вам лучше поехать с нами, дабы не простудиться в ваших тонких платьицах.

– Нет, – прошептала девушка своей подруге, которая стояла за ее спиной.

– Мы дойдем сами, – твердо заявила вторая.

– Я не могу допустить, чтобы столь очаровательные создания простудились, – ответил Ансар и протянул руку девушке, наклонившись к ней. – Я гарантирую вам полную безопасность. Не бойтесь. Мы не причиним вам зла.

Девушка убрала с лица пепельно-белые волосы, проходя сквозь которые солнечные лучи играли на ее обнаженных плечах. Еще несколько секунд она смотрела ему в глаза, а затем протянула руку, и через мгновение сильная рука воина уже потянула ее к себе и усадила на лошадь за своей спиной. Ее подруге не оставалось ничего другого, как последовать ее примеру, но она отказалась садиться к Торгуфу, а выбрала место за другим воином, и вся группа тут же поскакала по направлению к поселку.

– Меня зовут Ульяна, – сама же представилась девушка Ансару. – Я дочь купца Благояра.
– О великие духи! Что за странные имена? Я никогда не привыкну к ним, – взмолился Торгуф.

– Нормальные имена, – строго прервал своего товарища Ансар и чуть тише добавил: – Я раньше не слышал этого имени – Ульяна. Оно действительно немного странное, но мне почему-то нравится. А двор твоего отца я знаю.

– А вы с Восточной заставы? Чужеземные наемники? – поинтересовалась Ульяна.

– С Восточной, но мы воины, а не наемники.

– Я так и подумала, но засомневалась, когда вы заговорили со мной без акцента.

– Мой наставник долго жил в этих землях и меня готовил с детства к этому. Я учился военному искусству и нескольким языкам, в том числе и вашему, с малых лет.

– Военному искусству? – звонко засмеялась девушка. – Искусство в музыке, в картинах, в скульптурах, какое же может быть искусство на войне? Как можно убить красиво?

– Вот наступит день, когда мне придется спасти вашу жизнь, тогда и вернемся к этому спору.

Остаток дороги путники провели молча. Выехав из леса, они свернули с дороги, направив своих лошадей по холмистым зеленым лугам напрямую к усадьбе Благояра, которая возвышалась над прочими домами в поселке и стояла на окраине возле небольшой речки. Поднялся ветер, небо над лесом полностью было покрыто черными тучами, когда воины высадили девушек перед большими резными воротами дома Благояра.

– Спасибо за компанию, – тихо произнес Ансар, помогая девушке слезть с лошади.

После чего он, не выпуская из своих рук ладонь девушки и не слезая с седла, наклонился к ней и поцеловал ее руку:

– Простите, но я не смог удержаться, ибо не встречал столь тонкую и изящную руку раньше, – признался Ансар.

Девушка приоткрыла рот, видимо, для того чтобы поблагодарить воина, но громкий крик имени Ульяны от внезапно появившегося возле калитки высокого статного мужчины с длинной и густой седой бородой чуть ли не до красного пояса, подпоясывающего его серую рубаху, заставил ее дернуться и резко обернуться.

– Ульяна! Быстро в дом! – низким и властным голосом потребовал мужчина, не отводя свой взгляд исподлобья от Ансара. – Помнится, я прямо предупреждал, чтобы ты держалась подальше от чужеземцев, не говоря уж о твоих прогулках по лесу.

– Прости, папа, – еле слышно произнесла девушка, тяжело вздохнула и, опустив голову, побрела во двор.

От ее жизнерадостной улыбки и огня в глазах в тот же миг не осталось и следа. Легкая походка с грацией кошки в одночасье сменилась тяжелыми шагами.

Неожиданно Ансар подъехал вплотную к отцу Ульяны и по своему обыкновению наклонился очень близко к нему и заглянул в его черные глаза, которые казались бездонными, в какие обычно трудно смотреть, что всегда заставляют людей отводить свой взгляд.

– Что уставился, щенок? – первым прервал это противостояние взглядов Благояр.

– Пытаюсь понять, как у такого деспота родилось столь очаровательное создание. Видимо, мать ее прекрасна, ибо от тебя взять было нечего. В таком случае, что же такого в тебе разглядела твоя супруга... Ах, да! Совсем забыл. Вы ведь не всегда спрашиваете мнение девушек, главное, с отцом договориться, – насмешливым голосом отвечал Ансар и потом более твердым голосом добавил: – Не вздумайте погубить таким же образом тонкую натуру дочери своей.

– Не твое дело, щенок! – взревел Благояр. – Как твое имя? Представься, тварь! Ты больше не жилец! – продолжал он кричать уже вслед уходящим спокойным шагом всадникам.

– Ансар мое имя! Сын Рэгнвольда из рода Кришев. Найти меня сможете на Восточной заставе, – все дальше отдаляясь от усадьбы, прокричал воин.

– Что на тебя нашло и к чему все это? – недоумевал Торгуф.

– Помнишь, я часто рассказывал тебе о девушке из своих снов?

– Ты сейчас скажешь, что это она? Пожалуйста, скажи, что ты пошутил! Ты столько рассказывал о ней, я, исходя из твоих рассказов, представлял ее высшим творением, а тут эта тощая бледная курица.

– Сам не пойму, но что-то в ней есть такое, что не дает покоя.

– Вот совсем без шуток прошу! Прекрати!

– Не могу, ибо точно теперь знаю, что это она. К тому же я раньше во сне всегда видел только ее образ, ее глаза, улыбку, но накануне мне приснился очень странный сон, в ней я управлял крытой колесницей, но лошадей не видел, а вокруг играл струнный инструмент и голос мужской песни пел.

– Ты точно умом тронулся, – поставил диагноз своему другу всадник. – В таверну тебе срочно надо да уйти оттуда уже в сопровождении парочки женщин.

– Со мной все в порядке, мой друг. Хотя я, определенно, удивлен своему воображению, которое столь подробно нарисовало эту колесницу. Она двигалась крайне быстро и управлять ею было непросто, требовалось постоянно контролировать его. Не как лошадь, которая сама дорогу держит. И со мной были две девушки, тогда я еще был с ними незнаком, но видел их портреты, и одна была столь прекрасной, что я безмерно хотел, чтобы она села рядом со мной в повозку, и я ломал голову, как же это устроить. Поэтому решил заехать за ней сначала, но кто же сядет рядом с кучером.

Среди вариантов было сообщить, что вторая девушка страдает ожирением, и они сзади обе не поместятся, но она бы увидела ее, и тогда мой обман раскрылся сразу, а врать мне ей не хотелось совсем. Рассказать, что у той какая-то хворь, которая может быть заразной, также нельзя было, ибо дорога предстояла неблизкая, и они, разговорившись друг с другом, могли выяснить, что обе пребывают в добром здравии.

В общем, так и не придумав, как решить эту задачу, я пригнал повозку прямо к ее дому, а она уже стояла на крыльце. И на мое счастье, в этот момент ливанул дождь. Хороший такой, сильный и очень холодный дождь. Когда она подбежала к моей колеснице, не выходя из повозки, я протянул свою руку и крикнул ей, лишая ее времени на раздумья: «Прыгай скорее! Прямо с котомкой! Сам отнесу!» И она села рядом. Я под дождем был вынужден отнести ее багаж в задний ящик и изрядно промок, но больше всего меня удивило в тот момент, что я искренне переживал тому, что промокла она, что она может заболеть. Я переживал за человека, которого знал две минуты.

Когда она села в повозку, я с трудом сдержал свой восторг, ее зеленые глаза завораживали, длинные светлые волосы манили к себе, хотелось их погладить, коснуться ее тонких изящных рук. Причем я всегда любил длинные волосы, но желания трогать чьи-то волосы у меня ведь никогда не возникало ранее, мне чужие волосы всегда казались грязными или жирными, где порой еще водится какая-то живность, но сейчас мне хотелось прикоснуться к ее волосам, словно желал удостовериться, что они настоящие, как и сама девушка.

Если минутой ранее я ощущал на себе тяжелую усталость, то теперь я с ужасом принимал тот факт, что дорога не бесконечная и мы через несколько часов будем вынуждены расстаться. Чтобы не напугать девушку, сидящую рядом со мной, своим чрезмерным интересом, общался я с ними поочередно, хотя меня интересовала только одна из них.

– Да, ты у нас провидец, не только девушку, даже дождь разглядел в своем сне, – громко захохотал Торгуф, который, видимо, утомился слушать про сон своего приятеля.

Начался ливень.

Милинтил: Веселье на закате

*Когда колдун разгонит тучи,
Предрешился судьба и участь
Рожденного под ледяным дождем
И позже закаленного огнем.*

Агвинар со своими друзьями на лошадях настигли Холгина с Вактином в нескольких километрах от Милинтила, которые уже давно вышли из Синемуса и гнали по широкой равнине свой караван со всей возможной скоростью.

– Жаль, Ваки, – с наигранной грустью произнес Холгин, увидев своих друзей. – Они живы, зря мы делили весь наш караван на две части, теперь они также станут претендовать на свою долю.

– Я тоже рад тебя видеть, мой друг, – улыбнулся маг.

– Ну, что там? – позабыв о всяком терпении, спросил Вактин.

– Их много, и они идут к нам, – быстро произнес Агвинар. – Вы знаете, что делать с товаром и деньгами, я скачу к Холуру, надо все рассказать ему. А вы готовьтесь к сражению! – крикнул вслед колдун и, не дожидаясь своих друзей, поскакал к городу.

– К сражению? – как бы про себя тихо произнес полурослик.

– Наконец-то! – не стал скрывать свою радость Сельфиан.

– Чему ты радуешься? – поглаживая свою бороду, задумчиво спросил Холгин.

– Я уж начал было думать, что мы зря столько времени тратили на тренировки Агвинара и подготовке к войне, о которой он уже давно предупреждал нас. Не знаю, как он предсказал ее, но теперь мы видим, что он был прав. Хотя чему удивляться, он ведь колдун.

Агвинар же тем временем направил своего коня на восток, где у подножья гор расположился Милинтил. Он пересек реку Симдар вброд и уже ехал мимо бескрайних желтых полей, простиравшихся вдоль стен города. Мимо мелькали старые хижины, которые крестьяне использовали для отдыха во время работы в полях и хранения орудий труда. Это были низкие бревенчатые лачуги с соломенной крышей, многие из которых обветшавшие и покосившиеся от своего возраста.

Маг подъехал к воротам города, окруженного деревянными стенами около четырех метров в высоту. Столбы плотными рядами окружали город. Только с северной и восточной стороны не было стен, так как там невозможно было пробраться в город благодаря отвесным скалам, которые начинались сразу же за крайними домами Милинтила.

Ворота были открыты, стражники, стоящие над воротами, даже не обратили внимания на Агвинара, потому что издали узнали его, а тот, не замедляя ход, заехал в город и поскакал напрямиком к главе города. В восточной части, почти у подножья отвесных скал, на холме находился дом главы города. Прежде чем заехать во двор, Агвинар обернулся и увидел, как его друзья уже пересекали Симдар. Это была наивысшая точка в городе, от самых западных стен местность все поднималась выше, и с этого места практически весь город был как на ладони, даже ворота были видны.

– У меня срочное послание для Холура, – уведомил Агвинар стражей, стоящих возле дверей в здание, но, не дожидаясь никакого ответа, спешил и прошел в здание.

Стражи, как обычно, с недоумением смотрели вслед магу. Агвинар всегда таким немного наглым образом приходил сюда. Хотя и нельзя сказать, что он был в особо дружественных отношениях с главой города. Обычно он приходил только по личным просьбам, но всегда проходил в дом, не спрашивая разрешения у стражей, а те, в свою очередь, побаиваясь колдуна, пропускали его без вопросов, полагая, что так и должно быть, ведь других указаний или заме-

чаний на этот счет им не поступало. При этом даже глава города никогда не задумывался над тем, как это Агвинар проходит мимо стражи, и никто не докладывает об этом ему. Он не придавал этому особого значения. Если уж все считают, что так положено, то и ему проще не обращать на это внимания, чем иметь врага с магическими способностями.

Агвинар быстрыми шагами пересек длинный зал и, уже ничего не объясняя двум стражам, стоящим возле дверей в тронный зал, открыл дверь, после чего в приемном зале главы города по непонятной причине почему-то погасли несколько факелов, висящих на стенах, а знамена, висящие за Холуром, начали колыхаться, словно от сильного ветра.

– Приветствую тебя, Холур, повелитель Милинтила, – громко произнес Агвинар, остановившись возле двери и немного склонив голову.

– Здравствуй, Агвинар, – достаточно вежливым тоном поприветствовал в ответ Холур, получше усаживаясь на своем троне.

– Не стану тянуть время, – начал Агвинар, подойдя ближе к Холуру. – Я принес не очень приятные известия.

– Какие же? – не скрывал интереса глава города.

– Мы обнаружили отряд орков в Синемусе. Их было всего тридцать, мы убили всех, кроме двоих, от которых узнали, что они с тысячной армией идут на Милинтил.

– Орки никогда не нападали на большие города в этих землях, – удивился Холур.

– Все когда-то происходит в первый раз, – задумчиво сказал маг.

– И в первый раз бывает страшно.

– А порой и больно, – улыбнулся Агвинар и продолжил, – но сейчас не об этом, дорогой наш Холур. Орки сплотились и решили захватить свой первый город после долгих лет изгнания и скитаний по диким землям. К сожалению, а может, и к счастью, Милинтил оказался первым городом на их пути.

– Нет, – прервал мага Холур, – этого не может быть.

– Как бы ни было трудно в это поверить, но это правда, и вам, как главе города, необходимо подготовить город к защите.

– Да, да, мы усилим охрану.

– Надо бы отправить разведчиков, чтобы они выяснили, сколько их и когда они достигнут Милинтила, я полагаю, что к завтрашнему утру.

– Да, безусловно. Я с самого начала подумал об этом.

– Что ж, у меня еще много дел, не смею больше отвлекать вас.

Агвинар поклонился и быстрыми шагами вышел из зала, а Холур, немного обескураженный от навалившейся информации, встряхнул головой, словно отгонял какие-то неприятные мысли, и начал раздавать срочные указания.

Маг, не доходя до своего дома, встретил мальчишку, который жил по соседству с ним.

– Передай всем своим друзьям, что сегодня вечером возле старого дуба на Симдаре я устраиваю веселье. Приглашаются все дети города.

– Что правда? – загорелись глаза у мальчика.

– Я когда-нибудь говорил неправду?

– Нет, – покачал головой мальчик.

– Тогда беги! – скомандовал колдун.

Агвинар с улыбкой посмотрел вслед мальчику, бежавшему что есть сил. После задумчиво взглянул на небо, где не было ни единого облачка. Лишь бездонное голубое небо и яркое солнце над головой.

Когда ближе к вечеру дети выбежали из ворот города и прибежали к огромному ветвистому дубу возле реки, Агвинар уже что-то варил над костром в огромном котле. Аромат из котла распространялся по всем окрестностям. У всех ребят просто слюнки потекли от этого

запаха, даже те дети, которые дома всегда отказывались есть, почувствовали себя очень голодными.

– Быстрее, – позвал их волшебник, – хватайте тарелки и ложки и подходите по одному.

Дети быстро разобрали тарелки с ложками и выстроились в очередь к магу.

Агвинар большим деревянным половником накладывал им похлебку из котла. Дети с жадностью вдыхали его аромат в своих тарелках.

– Все получили свою порцию? – улыбаясь, поинтересовался маг.

– Да!!! – дружно прокричали дети.

– Тогда давайте есть! – сказал Агвинар и уселся со своей тарелкой на зеленую траву рядом со своей повозкой.

Дети последовали примеру мага, уселись на землю и приступили к еде. Они за обе щеки уплетали суп и удивлялись, каким же он был вкусным. Хотя это была обычная похлебка из баранины, не считая разнообразных приправ, добавленных Агвинаром.

После того как все доели, а дети постарше даже попросили добавки, Агвинар встал на ноги:

– А теперь давайте проверим, кто из нас самый шумный! – громко объявил он и начал стучать ложкой по своей железной тарелке.

Поднялся неопишутый шум, когда дети присоединились к нему. Звон металлической посуды, дети визжали от восторга, ведь позволялось делать то, что им ни за что не разрешили бы дома.

– Ну а теперь к реке, – скомандовал Агвинар и побежал вместе с детьми к воде.

Дети на мгновение остановились возле воды, но, увидев, что волшебник уже стоит по колено в воде, забежали за ним в реку. Агвинар зачерпнул воду тарелкой, ополоснул ее, а затем новой порцией воды в тарелке обрызгал детей, стоящих рядом с ним. Все начали обливать друг друга водой. Они плескались, брызги воды переливались при свете солнца, у всех была неопишутая радость на лицах. Вот только некоторые дети не удосужились ополаскивать свои тарелки сначала, поэтому остатки еды тоже полетели друг на друга. Это явно не входило в планы мага, поэтому он сжал губы на мгновение, но потом засмеялся.

Затем Агвинар отошел немного в сторону и поглядывал за детьми, чтобы они играли только на мелководье.

– Достаточно, – громко потребовал маг в один момент, и все дети в одно мгновение замерли, потому что голос его прозвучал очень строго. – Сложите посуду в повозку и все бегом домой!

Дети, смеясь и радуясь, побежали к воротам города.

Агвинар же сложил огромный уже пустой котел на телегу и погнал лошадь в город, поглядывая на чистое небо, словно был чем-то очень сильно доволен и получил удовлетворение от своих действий.

Бестелесные: духи

*И прорежутся глаза и уши,
И познается сила мысли,
Но не принесет то радости,
Лишь только кровь и муки.*

Утром следующего дня Стизор проснулся раньше обычного, когда первые лучи солнца еще только начали проникать сквозь щели в стене хижины, создавая яркие полосы света на перегородке посередине дома. На свое удивление, островитянин спал очень крепко в ту ночь, не видел снов, или не помнил их, и ни разу за ночь не просыпался. «Видимо, усталость с дороги, пиво Гонфрида и вечерние водные процедуры сделали свое дело», – решил Стизор.

Свои вещи он обнаружил аккуратно развешенными на спинке его кровати и вычищенными от дорожной пыли и грязи. Дети еще спали, о чем мог судить Стизор по сладкому посыпыванию за тонкой перегородкой, а хозяйки дома не было нигде видно. Оглядевшись по сторонам, мужчина встал с кровати и натянул свои брюки. Растер свое правое плечо, которое ныло постоянно уже в течение последних нескольких лет. Он уже привык к этой боли, но вот к утру боль всегда усиливалась то ли из-за неудобной позы во сне, то ли из-за обездвиженности.

Стизор подошел к небольшому столу, который был собран из того же материала, что и вся остальная мебель и сам дом. На столе стоял тонкой работы глиняный стакан с водой, которую он с радостью выпил. После чего он подошел к двери, чтобы выйти из дома, но замер перед дверью. Сквозь большие щели в двери было видно, как на большом крыльце перед хижинной хозяйка дома застыла в какой-то неудобной позе, сложившись назад, едва не касаясь своим затылком собственной спины. Потом она медленно выпрямилась, сделала грациозный выпад левой ногой вперед, прижала ладони друг к другу на уровне груди и скрутилась влево так, что правой лопаткой касалась своего левого колена. Она смотрела в небо и улыбалась в безмятежном блаженстве.

Когда она выходила из этого положения, девушка заметила Стизора за дверью. Улыбка моментально сошла с ее лица. Она в том же изящном и бесшумном танце выпрямилась, слегка поклонилась в сторону восходящего солнца и на цыпочках зашла в дом, где, поприветствовав на своем родном языке, слегка поклонилась северянину. После этого она поспешила к столу, приглашая Стизора за собой. Там она подняла перевернутое глубокое блюдо со стола, а под ней оказалась тарелка меньшего диаметра, где уже были нарезаны различные овощи и листья местных трав, которые туземцы ели в огромном количестве на завтрак, обед и ужин. Девушка полила их прозрачным с легким зеленым оттенком маслом и пододвинула тарелку к Стизору.

Пока мужчина ковырялся в своей тарелке, выбирая зелень, которая была ему по вкусу среди прочих безвкусных или горьких листьев, на столе появился стакан со свежавыжатым соком, а еще через мгновение хозяйка дома вернулась с горячей сковородкой овощей и двумя бедрами ящерицы. Мяса в нем было не так много, но вкус был отменный, поэтому Стизор тут же закинул бедро себе в рот и сгрыз его вместе с косточками, после чего так же расправился со вторым бедром крошечного зверька. Еще немного поковырявшись в сковородке, отыскивая среди зелени жареные бобы и орехи, Стизор выпил стакан сока и вышел из-за стола, но девушка остановила его, протягивая стакан воды, и по взгляду ее было видно, что сопротивляться этому бессмысленно. Поэтому, опустошив стакан с водой, Стизор, приложив свою правую ладонь на левой груди, слегка поклонился в знак благодарности за завтрак, на что получил еще более глубокий поклон от девушки, которая это сделала, прижав свои ладони друг к другу перед своей грудью. Было заметно ее удивление такой вежливости островитянина.

Стизор оставил свои тяжелые доспехи в хижине, но меч свой повесил на пояс. Так он вышел из хижины и на некоторое время замер на крыльце, осматриваясь вокруг. Солнце только оторвалось от вершин деревьев, но жарило все вокруг уже с необычайной ненавистью к чужеземцам, которые так и не могли привыкнуть к этому климату, хотя старались не подавать виду. Приятное журчание от водопада сливалось в поразительной песне с щебетанием птиц. В селе-нии было пусто, но не потому, что все еще спали, а как раз по причине того, что все взрослое население было в полях или занято работой над траншеей для будущей стены города. Туда и направился Стизор. Обойдя северную часть рва, откуда планировалось начать строительство стены, он указал, где стоит углубить траншею, а где выровнять его.

После этого Стизор подошел к старому Лоуси, который сидел, скрестив ноги, в тени одного дерева. Заметив его приближение, старец встал на ноги, несмотря на то что Стизор жестами показывал не делать этого. Лоуси глубоко поклонился и поприветствовал его на языке островитян, а Стизор ответил ему приветствием на их местном языке.

– Расскажи мне, Лоуси, – усаживаясь на землю в тени дерева, спросил Стизор, – что ты знаешь о тех существах, кому вы отдаете ежегодно свой урожай и девушку?

– Ты не знаешь все еще их? – удивился старик.

– Не доводилось еще познакомиться с ними, – улыбнулся островитянин, хотя понял, что старик имел в виду не личное знакомство, а то, что ему уже должны были рассказать о них давно. – Кто это такие? Чего они боятся? Как их можно убить? Когда вы видели их в последний раз, а когда был первый?

– Нельзя убить. Никак нельзя. Бестелесные духи это. Нельзя убить без тела, – категорично заявил старик, особенно четко выговаривая слово «бестелесные», что свидетельствовало о недавнем появлении этого слова в его личном словаре.

– Раз они бестелесные, зачем им ваша еда и девушка?

– Не знаем. Не надо знать. Духи без глаз, ушей и даже без рта.

– Тогда как же они потребляют пищу? Рот у них должен быть в любом случае. Если же они нуждаются в еде, значит, у них есть тело, которое можно повредить. Кого угодно можно убить, даже драконов и огров.

– Драконов нет, выдумка. Огров не знаем. Духи есть.

– Ты видел этих духов?

– Нет. Мой прадед видел. Он подсмотрел, когда дух забирал еду. Потом прадед сразу заболел и умер. Нельзя смотреть. Оставить еду там и бежать.

– Да, старик, – выдохнул Стизор. – Так ничего нового ты мне и не поведал.

Спрашивать, почему никто не решился посмотреть на этих существ, было уже бесполезно, ведь никто не хотел повторять участь любопытного прадеда Лоуси. Островитяне сначала собирались разобраться с этими существами, выяснить, кто они такие, но, видя ужас в глазах местных жителей, оставили эту затею. К тому же цена была не столь высокой. Четыре телеги с крупой и одна юная девушка в год, которую местные жители сами же выбирали из разных деревень, была приемлемой для чужеземцев платой, чтобы не наживать себе новых врагов.

Вскоре Стизору сообщили, что работа над траншеей завершена, и после контрольной проверки в ров был спущен первый камень и работа закипела. Для этой тяжелой работы по добыче больших блоков из обтесанных каменных глыб использовали местных повстанцев, которых пленили, а также двух троллей ростом почти в пять метров, привезенных с родных островов северян. Троллей обмазывали грязью и ставили навес над ними, поскольку солнечный свет и жару они выносили хуже всех остальных. Сами глыбы тащили волоком с помощью буйволов, которые были в одной упряжке по четыре головы на один блок.

Стизор, скинув с себя куртку и отложив меч в сторону, с голым торсом и в поте лица носился ото рва, куда укладывались блоки, до чана, где до мелкой муки разбивали белого цвета хрупкие камни, которые нагревали, смешивали с водой и поливали этим раствором блоки для

скрепления их между собой. Работать нужно было очень быстро, поскольку в случае малейшего промедления раствор схватывался намертво. Стизор уже сталкивался с этим ранее. Так однажды раствор застыл прямо в чане, и потом пришлось потратить полдня, чтобы выкорчевать его оттуда и очистить чан, не повредив его.

Работа пошла быстрее, когда Хорав, ранее стоявший рядом с остальными воинами, снял свою куртку и со словами: «Что же мы стоим, когда тут такое началось», – пошел в сторону места, где готовили раствор, волоча по земле за собой свой огромный молот. Хорав был лишь ненамного меньше ростом, чем Гонфрид, но коренастый и с небольшим животом, из-за чего казался меньшего роста. Молот его был явно работой гномов, а сам Хорав всем рассказывал, что его прадед в восьмом поколении по отцовской линии лично выбил его из рук короля гномов, после чего этот молот передавался в его семье от отца к сыну, став семейной реликвией. Существовала и вторая версия происхождения этого молота. Как-то один из его соплеменников сказал, что отец Хорава выкрал его у лавочника, но подтвердить свои слова он не смог, поскольку едва он успел закончить свою фразу, как его голова была разможжена тем самым молотом. Более никто не хотел выяснять истинное происхождение этого оружия.

Орудовал этим молотом Хорав превосходно как в битвах, так и в тот день при строительстве стены. Так он одним ударом раскалывал те камни на мелкие куски, которые загребали снова к центру большого валуна, а пленные повстанцы своими молотами добивали их до мелкого порошка, который засыпался в чан. После этого на валун подавался новый камень, который Хорав сокрушал вдребезги одним ударом. Гонфрид также присоединился к своим товарищам, но он нашел себе место среди троллей, которым помогал размещать глыбы друг на друга.

Работа была прервана лишь во время обеда, когда воздух накалился до предела и уже ни навес, ни вода не спасали. Далее, когда жара немного спала, они работали до поздней ночи, которая здесь наступала как-то очень неожиданно, словно кто-то в одночасье тушил свет, к чему северяне также не могли привыкнуть. Ведь на их родных островах даже после заката солнца зарево на горизонте освещало облака, а те, в свою очередь, отражали свет на землю.

Несмотря на усталость, Стизор, Гонфрид и Хорав вместе с несколькими соплеменниками после работы пошли в кабак Гонфрида, где после жаркого дня бокалы с пивом опустошались незаметно один за другим. Стизор даже не уловил, какой из бокалов оказался лишним, но, когда он встал на ноги, почувствовал, что координация движений нарушена, а почва под ногами нестабильна, как сообщил он в ту ночь своим друзьям.

Неспешным шагом он пошел мимо хижин, выверяя свой каждый шаг и движение, чтобы не упасть случайно. Стизор немного попытался ускорить свой шаг, когда он проходил мимо хижины Гонфрида, который в тот день, на удивление, ушел раньше остальных, опьянев еще раньше и сильнее Стизора. Стизор пытался скорее уйти оттуда, обеспокоенный тем, что скрип деревянной кровати и рычание Гонфрида, доносившееся за стенами, грозили обрушить всю хижину. Меньше всего в ту ночь Стизору хотелось бы заниматься восстановлением чьей бы то ни было хижины. Однако ускорение сулило ему падение, поэтому он был вынужден оставить эту идею и снова сбавил шаг.

На крыльце его ждала хозяйка дома также с кувшином теплой воды. «Сколько же раз ей пришлось подогреть воду в этот вечер, пока она ждала меня», – подумал Стизор, умывая свое лицо и тело. Когда он зашел в дом, там его встретили поклоном, как и в прошлую ночь, дети этой девушки. Увидев их, Стизор глубоко вздохнул и жестом руки потребовал их уйти.

– Не надо им меня ждать, – проговаривая каждую букву и активно жестикулируя, попытался объяснить чужеземец. – Они мне ни к чему. Пусть спят. Достаточно того, что ты меня ждешь. Я бы тебе сказал, чтобы и ты ложилась, но вынужден признать, что мне начинает нравиться эта церемония. Поэтому я постараюсь раньше возвращаться домой, чтобы тебе не пришлось так долго ждать. Не понимаешь, да? Как там ваш Лоуси разговаривает... Не надо это.

Я приду. Дети спят. Ждать не надо. Дети спят уже, когда я приду. Все равно не понимаешь? Ладно, завтра объясню вашему Лоуси. Он расскажет тебе.

Стизор махнул рукой, прошел к кровати и рухнул на нее, словно уснул раньше, чем успел лечь.

Ульяна: Послушать запах дождя

*Моря, леса и горы
Их укроют ненадолго.
Не спрятает реки крови,
Что устроит вошн,
Под знаменем добра
Убивший ее и себя.*

– Что ты здесь делаешь? – прошептала Ульяна Ансгару, который стоял на карнизе возле ее окна.

– Пришел за тобой! Пойдем послушаем запах дождя! – так же шепотом отвечал парень.

– Если отец узнает...

– Никогда, – перебил ее Ансгар, протягивая руку девушке.

– Вообще-то, я была уверена, что ты приедешь раньше, – призналась девушка, перелезая в окно.

– Прости, но твой отец оказался более влиятельным, чем я думал.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Я провел десять дней в яме из-за проявленного неуважения к барину.

– Ты шутишь?! – прервала его Ульяна, но по его взгляду было видно, что нет. – Прости, – еле слышно извинилась за своего отца девушка и нежно провела ладонью по его щеке.

Луна освещала капли дождя на траве и листьях деревьев. Было тепло, но легкий ветерок разносил свежесть ночного воздуха. Ночные птицы своим пением нарушали легкий шелест деревьев. Несмотря на их густую листву, в лесу было достаточно светло, ведь луна в ту ночь явно решила тягаться с солнцем в яркости своей.

В этот момент Ансгар вспомнил свой сон, который видел несколько раз годами ранее, о том, как он долго ехал в другой город ради встречи с девушкой. Во сне он понимал, что едва знаком с ней, поскольку был сильно удивлен, когда она пригласила его к себе домой на чашку чая. Дома у нее было очень уютно и необычно, на стенах висели ее собственные авторские картины, а в гостиной стоял причудливой формы музыкальный инструмент, который ранее Ансгар никогда не видел. Девушка тогда еще сказала, что он стоит неправильно, что во время ремонта его временно вытащили в узкий коридор, а потом решили его там оставить, но забыли развернуть, а теперь уже он не пролезал сквозь узкий дверной проем. Ансгар предложил перевернуть его, сначала уложив набок, но девушка громко рассмеялась, а потом пояснила, что после таких действий инструмент можно сразу выкинуть, ибо играть на нем уже будет невозможно.

После чашки чая весь остаток дня они провели в горах, где девушка быстрым шагом сквозь чащу леса вела Ансгара за собой сначала к ручью, потом к скалам, а он все шел за ней и был счастлив. Он любовался великолепием горной растительности, но взгляд его чаще был прикован к ее оголенным щиколоткам. Из-за этого он чувствовал себя неловко, но оправдывал себя тем, что стоило быть осторожным и внимательно выбирать, куда наступать на узкой тропе. На самом же деле он любовался ее щиколотками, которые были настолько изящными и тонкими, что можно было их обхватить в кольцо указательным и большим пальцем.

Еще больше его переполняло чувством безмерного счастья, когда он ее периодически брал за руку, помогая ей переходить по скользким камням или бревнам через многочисленные ручьи на их маршруте. Хотя в действительности девушка могла прекрасно справиться сама, в чем Ансгар смог неоднократно убедиться, когда она грациозно и с ловкостью кошки перепрыгнула через ручей, разбежавшись по бревну, нависшему с одного берега.

Ансгару и теперь захотелось прикоснуться к руке Ульяны, и он протянул ей свою руку с предложением помочь перешагнуть через упавшее дерево. В этот момент порыв ветра растрепал длинные светлые волосы Ульяны, которые проскользнули по щеке воина, и он заметил, что ее волосы не щекочут его лицо. Это было очень странно и поразительно, поскольку ранее его всегда раздражало прикосновение чьих-то волос к его щекам или шее. По этой причине Ансгар не мог спать в одной постели с девушками, ведь ночью женские волосы словно только и мечтали добраться до его лица, пробраться в его ноздри или уши. Из-за чего, если он даже ложился с девушкой в одну постель, он прогонял ее перед сном. Сейчас же он утопал в ее волосах и наслаждался ее ароматом, Ансгар дышал ею.

– Куда ты меня ведешь? – не стерпела Ульяна, прервав своим вопросом размышления мужчины.

Однако Ансгар продолжал молча вести ее за собой, держа за руку, пока они не вышли к небольшому озеру в лесу, на противоположном берегу которого стояла цапля.

– Раньше их было двое, но три года назад он вернулся один, – пояснил Ансгар.

– Печально, – согласилась девушка и села рядом с Ансгаром на большой валун возле берега под огромным дубом, чьи ветви свисали над водой.

Ровная поверхность воды отражала ночное небо со звездами и все той же яркой полной луной. Цапля, осторожно перебирая своими длинными ногами, что-то высматривала в воде, периодически замирая то на одной, то на другой ноге.

– Она нас совсем не боится, – удивилась Ульяна.

– Я достаточно часто прихожу сюда, видимо, привыкла.

– Я тоже! Это мое любимое место, правда, я бываю здесь днем. Это моя первая ночная прогулка.

– Только поэтому мы и не встретились раньше...

Ансгар, видимо, хотел сказать что-то еще, но его взгляд приковал огромный мотылек, порхающий рядом с Ульяной. Та протянула к нему руку, и мотылек сел на нее, раскрыв свои большие крылья с интересным узором.

Еще некоторое время молодые провели возле озера, а потом неспешным шагом пошли обратно. Ульяна все время сходила с тропы и рвала какие-то цветы, листья, угощала Ансгара ягодами прямо со своей ладони.

– Я должен тебе признаться, – тихим голосом начал Ансгар. – Вероятнее всего, ты бы об этом никогда не узнала и мне не стоит этого говорить, но я не хочу что-то скрывать от тебя и уж тем более врать.

– Ты пугаешь меня...

– Ты прекрасна! И я часто вспоминал тебя, особенно сидя в яме, – улыбнулся Ансгар. – Но эта встреча не входила в мои планы. Я, скорее, пришел, чтобы позлить твоего отца. Хотел случайно нашуметь, чтобы нас увидели вместе. Прости за это! Но сейчас все изменилось! Я понял, насколько глупой была эта идея. Также я понял теперь, что не могу поступить с тобой так. А самое главное – я бы хотел встретиться с тобой еще раз...

Милинтил: Пир накануне

*Стрела в теле лучшего друга
Объединит же рог и крылья,
Что горы сокрушит,
Что леса испепелит.*

В тронном зале главы города Милинтила собрались его советники и обсуждали новости, полученные от разведчиков, когда неожиданно вошел Агвинар.

– Думаю, вы не откажете магу в возможности присутствовать на вашем совете? – для формальности поинтересовался Агвинар и уселся на стул возле советчиков Холура.

– Возможно, нам понадобится и совет мага, – кивнул головой Холур. – Вы были правы, около тысячи орков пересекли Силенкул и направляются к Милинтилу. Они доберутся до города к завтрашнему утру. Таким образом, у нас есть целые сутки до нападения.

– У нас будет столько времени лишь в том случае, если завтра сохранится ясная погода, – пояснил Агвинар.

– А она сохранится, – с ехидной улыбкой заверил Санталок, который занимал должность советника главы города по природным явлениям. – И орки не посмеют при ясной погоде выйти из Синемуса.

– К утру погода изменится, будет гроза, – уведомил Агвинар.

– Может, ты считаешь, что лучше меня предсказываешь погоду? – не отступал Санталок.

– Погоду трудно предсказать, когда в дела природы вмешиваются маги, – улыбнулся Агвинар.

– Ты хочешь сказать, что вызвал дождь? – недоумевал король.

– Лучше сражаться днем под дождем, ежели ночью, когда вовсе ничего не видно. У вас несколько часов до рассвета, чтобы подготовиться к защите города.

С этими словами Агвинар встал и вышел из тронного зала. Солнце уже село, и ночное небо было усеяно звездами, но поднялся сильный ветер с запада. Маг сразу же направился в таверну, где за столиком сидели его друзья. В этот вечер в этом не очень популярном в другие дни среди горожан питейном заведении не было свободных столов, словно все люди тогда разом решили отпраздновать какое-то необычайно важное и приятное событие. На самом же деле, прознав о предстоящей осаде города, часть населения бросилась собирать личные вещи, точить домашние топоры и ножи, даже мотыги перенесли в дом, чтобы были под рукой. Однако большая же часть горожан отправилась по тавернам, и со стороны они выглядели преследующими одну-единственную цель – потратить все свои деньги, напоследок вкусно поесть и напиться. Если бы в этот момент в кабак зашел человек, не знающий о предстоящем нападении орков, решил бы, что празднуется очень важная дата для города: никак не иначе речь шла о тысячелетии основания города, например, или признании его столицей всего мира.

– Ну что, закончил свои дела, наконец? – поинтересовался Холгин, пододвигая стул для Агвинара, который они ранее задвинули глубоко под свой стол, дабы никто не стащил его, ибо в тот вечер стулья пользовались особым спросом. – Теперь ты можешь с нами посидеть?

– Я присяду, но нам не позволят долго расслаживаться. Скоро Холур призовет всех к оружию. Наверняка он поднимет весь город, ведь городского гарнизона в триста человек явно не хватит для защиты от тысячной армии орков.

– Весь город? – переспросил Вактин, хотя прекрасно все расслышал.

– Да, Ваки, – подтвердил Агвинар, – на этот раз и тебе придется обнажить свой меч. Но не волнуйтесь, мы выдержим эту атаку. Только держитесь рядом со мной.

– Я слышал, что уже во многих королевствах идет война, и вот она уже до нас добралась.

– Что ты хочешь сказать, Ваки? – спросил маг.

– Если в наших краях, где не было войны уже столько веков, появилась столь серьезная угроза...

– Тысяча орков – это еще не серьезная угроза, – перебил своего друга Сельфиан.

– Да, орки и раньше нападали на мелкие деревни, на путешественников, но на города не нападали со времен Великих войн, – настаивал на своем их маленький друг.

– Что ты хочешь сказать, в конце концов? – с ноткой гнева спросил Сельфиан.

– Может, это начало Всесветной войны, которая положит конец всему миру? – дрожащим от волнения голосом спросил тот.

В этот момент все замерли. Такого дерзкого предположения никто не ожидал.

– Я уверен, что тысячи людей задумывались об этом, когда начиналась та или иная война в былые времена, – попытался успокоить своих друзей маг. – И еще тысячи будут думать о ней спустя много веков при первых отголосках новой войны. Это лишь древний миф, а нападение орков на один город – это еще не свидетельствует о начале конца света. Войны случались и раньше.

– Но раньше было все проще, – вмешался в спор гном. – Были древние союзы, и когда на эльфов нападали, они всегда могли положиться на гномов и людей. А что теперь? Люди воюют с людьми, гномы рубят гномов, даже у эльфов раздоры между собой. Все стремятся к власти...

Холгину не дали закончить свою горячую речь, в этот момент раздался протяжный звук городского рога, который означал, что городу нужно готовиться к защите.

Агвинар повел своих друзей в южную часть города, где находилось большое помещение, которое они обычно использовали в качестве склада, но там же и находились все их трофеи, оружие. Им оставалось пройти несколько домов, как их остановили три рыцаря из городского гарнизона.

– Приказано всем парням явиться к городским воротам для вооружения и последующей обороны Милинтила, – объяснил им один из рыцарей.

– Нам известно об этом, – выступил вперед Агвинар. – У нас уже есть оружие, мы подойдем туда к утру. Можете не сомневаться в этом.

Рыцари сразу же отступили, узнав мага. Большинство жителей опасались колдуна, побаивались его, кроме детей, конечно, для них Агвинар был кумиром, и каждый считал его своим другом и придумывал различные истории о том, как они с магом якобы попадали в различные приключения, и они помогали Агвинару справиться с трудностями.

Добравшись до места, ребята улеглись с целью поспать, и маг настойчиво рекомендовал попытаться это сделать. Хотя весь город был на ногах, с улицы доносились крики стражников, какие-то споры среди жителей, сквозь которые порой пробивались всхлипы и рыдания женщин. Поэтому мало кто во всем городе, да и среди друзей мага, сумел уснуть при таком шуме. Лишь Агвинар лежал на спине с закрытыми глазами и, возможно, даже спал.

За пару часов до рассвета Агвинар встал и растолкал остальных, которые или дремали, или только под утро смогли провалиться в сладкий сон, но все быстро поднялись и заверили друг друга, что не смогли глаз сомкнуть в тот вечер. Как бы то ни было, все они сразу же начали вооружаться. Гном надел на себя длинную кольчугу, изготовленную из того же древнего серебра гномов. Заплел свою длинную бороду в две косы, которые заправил себе за пояс, куда также заткнул два маленьких метательных топора по бокам, и взял свою большую секиру. Острый двусторонний топор с длинной рукоятью он раздобыл на турнире в Торни-Урбене. При чем он всегда был против различных состязаний, считая их бессмысленным способом получить увечья или лишиться жизни. Вот только эта секира приглянулась ему с первого взгляда, а прежний владелец ни в какую не соглашался продать ее и позволил себе бросить необду-

манную фразу о том, что Холгин попросту недостоин ее. Так в коротком споре они и решили выяснить, кто более достоин этого грозного оружия, на ближайшем турнире рыцарей.

– Я готов, – сурово произнес Холгин, поглядывая на своих друзей, которые все еще копошились со своим обмундированием и вооружением.

Сельфиан также стоял, уже облаченный в кольчугу, которую, в отличие от гномьей, не было видно под курткой, сделанной из кожи демрингов, речных животных с тонкой, но прочной кожей. Их кожа по прочности была сравнима с легкой кольчугой и неплохо защищала от дальних стрел. За поясом у эльфа висел длинный меч, с другой стороны длинный нож, а за спиной торчал лук. Ему оставалось только пополнить свой колчан, собственно, чем он и был занят, выбирая стрелы получше.

Вактин со своим коротким мечом в руке подбирал себе щит полегче и все время что-то ворчал себе под нос. Он не был доволен быстрым завтраком, поэтому у него не было настроення, тем более он не выспался. Ваки, как и Агвинар, не стал надевать кольчугу, для его роста и телосложения это была бы слишком тяжелая ноша. Кро вовсе не стал добавлять ничего лишнего, как он выразился, его косою меч всегда был за спиной.

По-настоящему воинственно выглядел Сирингор, который навесил на себя тяжелые доспехи, на голове у него был шлем, который покрывал всю голову и лицо. В левой руке он держал увесистый железный щит, а в правой – длинный меч. Этот меч не был похож на мечи Сельфиана или Агвинара, он был более широким и сравнительно тяжелее, а точнее сказать, крайне тяжелым, хотя ему он совсем не казался таковым. Сирингор, как обычно, молчал. Задумчиво уставившись в пустоту, он стоял возле двери, а на его сверкающих доспехах отражался свет факелов, висящих на стенах.

– Ты и на эту битву пойдешь в своем плаще? – поинтересовался у Агвинара гном.

– Разумеется. Ведь так я хоть немного похож на мага.

– Как можно драться в длинном плаще? – недоумевал гном.

Агвинар, действительно, не очень был похож на обычного мага, в отличие от которых не носил бороды, волосы у него были коротко пострижены, у него даже не было посоха. Единственное, что его внешним видом приближало к колдунам и прочим магам, был его длинный темно-серый, близкий к черному, плащ с капюшоном.

Ребята вышли на улицу, где практически никого не было. Дул сильный пронизывающий насквозь ветер, на небе висели тяжелые черные тучи, готовые разразиться ливнем и затопить все вокруг. Когда они подошли к городским воротам, начался сильный дождь, сверкали молнии, гремел раскатистый гром, который с еще большим рокотом эха отражался от гор на востоке.

Люди пытались найти хоть какое-то укрытие от дождя, находясь под стенами города. Они выглядели напуганными. «Что за черная сила же к нам надвигается, что даже погода так испортилась?» – говорили они.

– Не бойтесь, милинтильцы! – торжественно обратился к горожанам Агвинар, который уже стоял над воротами, и голос его казался громче раскатов грома вокруг. – Я Агвинар – маг горы Асантил. Не бойтесь, говорю я вам, ибо я знаю то, благодаря чему я не испытываю страха. Я видел сон такой же явный, как вижу вас сейчас, и все это уже было во сне моем! Хотите знать, что будет дальше? Дождь усилится, а затем появится наш Холур в блестящих доспехах, да вот придется ему испачкать их. Затем же мы увидим наших врагов, но до начала сражения небо прояснится, и солнце станет под наши знамена, а мы разобьем наших врагов. Сегодня мы одержим победу!

Горожане стали переглядываться друг с другом, начали перешептываться. Большинство людей, которые были лично знакомы с Агвинаром, немного взбодрились и выглядели уже смелее. В этот момент скомандовали всем построиться и объявили главу города. Дождь, действи-

тельно, усилился и лил теперь словно из ведра. По каменной дороге текли широкие ручьи, в углублениях уже образовались глубокие лужи.

Верхом на коне в сверкающих доспехах появился Холур.

– Он действительно в блестящих доспехах, – шептали некоторые.

– Это и я мог бы предсказать, – говорили другие. – У главы города должны быть блестящие доспехи.

Но вдруг сверкнула яркая молния, озаряя все вокруг, и конь главы Милинтила встал на дыбы и сбросил своего наездника. Холур оказался в большой грязной луже. Горожане с трудом удержали свой смех, тем более это событие для них было очень важным и вселяющим надежду, ведь это означало, что предсказания мага начинают сбываться.

– Тебе, действительно, все это приснилось? – с надеждой спросил Ваки.

– Разумеется, мой друг, – загадочно улыбнулся маг и пошел к Холуру. – Я выйду за стену, пусть твои всадники будут наготове.

– Мы не станем выходить за стены и не станем открывать ворота, когда начнется осада города, – предупредил Холур, вновь усаживаясь на своего коня.

– Когда мой меч сверкнет в лучах солнца, бросьте в атаку всех своих всадников, – властно скомандовал маг и направился к воротам.

– Сельфиан, Сиригор, пойдите со мной, – сказал Агвинар своим друзьям, которые уже стояли в строю, – мне понадобится ваша защита на некоторое время.

– Вы идете за стену? – спросил Холгин. – Тогда я должен быть с вами.

– Ты очень храбр, Холгин, я не откажусь от помощи.

Еще около дюжины воинов, которые были близко знакомы с Агвинаром, попросились добровольцами и пошли за ним. Позади всех плелся Вактин.

Один из военачальников подошел к Холуру:

– Не стоит ему позволять уводить людей, когда каждый меч на счету.

– Пусть идет, – ответил Холур. – Он и ранее неоднократно доказывал нам на деле, что знает больше нас и что иногда ему стоит доверять. И пусть конница стоит наготове возле ворот, но без моей отдельной команды ничего не предпринимать.

Ворота за отрядом Агвинара сразу же закрылись. На улице стало еще светлее, но дождь не прекращался, а сильный ветер срывал листву с редких деревьев и разносил их по полю перед крепостными стенами. Маг отошел от ворот метров на пятьдесят и остановился. В это время за рекой появились очертания нескольких темных фигур, которые без труда определялись всеми как ороczy. За ними появились еще новые силуэты, а затем еще и еще. Прошло еще несколько минут, и вот уже тысячное войско орков выстраивалось на западном берегу реки.

Агвинар натянул капюшон на глаза и опустил голову:

– Защищайте меня, пока я не вернусь к вам, – тихо произнес он, словно засыпал.

Хорошо вооруженные орки выстроились на западном берегу реки и принялись громко стучать мечами о свои шлемы, они хохотали жутким рокотом и выкрикивали насмешки над жителями Милинтила:

– Это все ваши защитники?! – кричали они, показывая на горстку воинов у ворот. – Вы готовы умереть и отдать нам свой город, своих жен и детей?!

Наконец, прозвучал орочий рог, и все отряды двинулись к городу.

Орки перешли через реку и уже бежали через поля, попутно поджигая хижину. При этом они продолжали смеяться, громко кричали и размахивали над головой своими изогнутыми мечами, а промокший отряд Агвинара обнажил свое оружие и выстроился перед магом. За стеной прозвучал рог Милинтила, и над их головами пролетели около сотни стрел, выпущенных эльфийским отрядом лучников. Передние ряды орков попадали, сраженные стрелами, остальные же продолжали бежать, перепрыгивая через своих павших сородичей, спотыкаясь о них и падая, но вновь поднимаясь на ноги, они продолжали свой бег.

Сельфиан выпустил стрелу, которая тут же нашла свою цель в толпе орков.

– Да, здесь трудно промахнуться, – объяснил Вактину гном.

Сельфиан уже накладывал на тетиву третью стрелу, когда вновь туча стрел пролетела над их головами. Орки приближались. Последовали ответные стрелы от орков. Но ни одна не поразила цель. Отряд Агвинара укрылся за щитами рыцарей, которые встали плотным строем перед Агвинаром. Хотя Сельфиан стоял немного в сторонке, он легко увернулся от двух стрел и продолжал стрелять из своего лука, уже выпуская по три стрелы сразу. Лук он теперь держал горизонтально и выпускал по несколько стрел одновременно, которые разлетались под небольшим углом и поражали сразу несколько целей. Остальные же защитники города не опасались стрел, находясь за стенами города.

В этот момент дождь внезапно прекратился. Сельфиан отложил лук и достал свой меч, которым тут же отбил несколько стрел, выпущенных орками в него. Орки были совсем рядом. Когда уже между первым отрядом орков и отрядом Агвинара оставалось несколько метров, колдун неожиданно поднял голову и откинул капюшон назад.

– Я ничего не пропустил? – улыбнулся маг.

– Доброе утро! – воскликнул Холгин. – Выспался, наш маленький?

С криком «Стоять!» Агвинар вытащил из ножен свой меч и поднял его к небу. Тонкий луч света от кончика Боринзагора устремился ввысь и осветил крошечным желтым пятном тучи над ними.

Некоторые орки, сами не понимая зачем, повиновавшись требованию Агвинара, остановились как вкопанные, но остальные продолжили свою стремительную атаку. Правда, кто-то наткнулся на внезапно остановившихся орков, из-за чего они начали толкаться друг с другом и падать. Кто-то даже случайным образом при падении умудрился заколоть собственным мечом своего сородича. Во время этой суматохи в рядах орков в месте, где туча освещалась свечением меча мага, пробился тонкий, но очень яркий солнечный свет. Тучи с огромной скоростью начали расходиться в разные стороны от этого места. И вот уже все озарилось ярким солнечным светом. Все орки остановились, некоторые попадали на землю. Яркий свет слепил им глаза, обжигал кожу. Хоть солнечный свет и не был смертельно опасен для орков, но причинял сильную боль, и в данном случае привел в полное замешательство. Орки впали в безумство, все на время забыли об осаде города, а искали укрытие от солнца.

Меч Агвинара отразил солнечный свет, играя на стенах и крышах городских домов, и Холур, наконец, понял, о чем говорил тогда Агвинар. Ворота города по требованию главы города открылись, и Холур уже мчался на своем коне на орков, а за ним неслась вся конница Милинтила. И пешие рыцари бежали за ними. Эльфийские лучники, которые были не меньше орков удивлены внезапными изменениями в погоде, к тому времени опомнились и продолжили поражать орков своими стрелами. За стенами города уже доносились радостные крики, хотя сражение еще не было выиграно.

– Чего вы встали?! – крикнул Агвинар и накинулся на орков. Не добежав до своих врагов метров на три, Агвинар взмахнул своим мечом, словно пытался разрезать воздух, и стоящие пред ним орки замертво упали на землю, хотя сам меч их даже не коснулся. Маг перекинул через себя бежавшего на него орка и, уже оказавшись со всех сторон окруженный вражескими воинами, начал истреблять их.

Среди орков паника усиливалась, некоторые катались по земле, некоторые пытались убежать, но, не понимая, в какую сторону бежать, метались из стороны в сторону. Несмотря на это, среди них нашлись и те отчаянные воины, которые все же сумели собраться с силами и снова бросились в атаку.

Тем временем Холур со своей конницей уже врезался в ряды орков, и всадники рубили захватчиков. Орки отлетали от коней, которые мчались на безумной скорости, от чего также падали в грязные окровавленные лужи, сраженные ударами мечей и копий.

Бои шли повсюду, но наиболее ожесточенно сражался отряд Агвинара. Сельфиан рубил своим мечом врагов и не сильно уступал магу в количестве поверженных орков. Холгин с первого же удара снес своей секирой головы двум оркам. Причем сделал он это одним ударом. Теперь же он размахивал своей секирой над головой и обрушивал всю свою мощь на несчастных врагов возле себя. Рядом с ним из всей толпы выделялся Сирингор, которому из-за своего роста приходилось немного нагибаться вперед, чтобы поразить своим мечом орков, но если удар его достигал цели, то меч его разрубал орка пополам, несмотря на то что несчастные были в железных доспехах.

Кро также старался держаться ближе к своему хозяину-гному и, выхватив еще один меч у одного орка, разил теперь всех вокруг двумя мечами. Лишь Вактин долгое время стоял в стороне, держа свой меч наготове, пока вдруг один орк, отлетев от одной лошади, не упал недалеко от него. Когда разъяренный захватчик встал на ноги, то увидел невысокого парня перед собой, с ужасом смотрящего на него. Орк кинулся на него, но тут же упал с раной в животе от удара меча Вактина. Теперь орк, не ожидавший такого отпора от маленького воина, который выглядел скорее ребенком, нежели воином, смотрел на него с ужасом на лице, которым был секундой ранее объят его юный соперник. В этот момент Вактин допустил ошибку, решив, что враг его повержен. Он повернулся спиной к лежащему орку и осторожно пошел в сторону, где сражался Агвинар.

«Ваки, ложись!» – вдруг услышал Вактин голос мага, он обернулся и увидел, что орк, которого он ранил, целится в него из своего лука. Он видел это и понимал, что нужно делать, чтобы сохранить себе жизнь, но тело его окаменело, а ноги онемели и перестали слушаться его. По коленям его пробежала слабость, а стрела вонзилась ему в живот. Все сразу же потемнело в его глазах, голова закружилась, и молодой воин без чувств упал на землю. Далее он уже не видел, как орки пустились в бегство, как всадники настигали их и продолжали рубить их своими мечами и колоть копьями, все дальше и дальше изгоняя их от стен города.

Ульяна: Ведьмина смерть

*Алчность же долины
И жадность равнины
Обездолит горы,
Вовлекая в ссоры.*

- Где ты снова пропал? – повиснув на шее у Ансгара, прошептала ему на ухо Ульяна.
- Прости, родная, у нас было задание в чужих землях.
- Я знаю, я все знаю, – продолжала шептать она, не выпуская его из своих объятий. – Я даже знаю, что вас было всего трое.
- А вот это уже странно. Об этом никто не должен был знать и уж тем более рассказывать.
- Прости, я переживала и попросила узнать, все ли у тебя хорошо. Все хорошо? Все вернулись?
- К сожалению, вернулись мы только вдвоем...
- Я так переживала за тебя!
- За меня не стоит. У меня повышенная выживаемость, если это так можно назвать. Раньше я выживал беспричинно, а теперь у меня есть смысл возвращаться обратно.
- Девушка смущенно опустила глаза.
- Спасибо! Спасибо, что пришел сегодня, но мне нужно возвращаться обратно. Отец скоро должен вернуться, и он обнаружит, что меня нет дома.
- Я понимаю, но с этим нужно что-то делать. Я не хочу видеть тебя только иногда и только по ночам. Давай я поговорю с твоим отцом.
- Нет! – ужаснулась Ульяна. – Ты забыл про яму? Он никогда не примет тебя.
- Я найду что сказать! Да и, в конце концов, когда он увидит, как я смотрю на тебя, как я отношусь к тебе, как сильно люблю, он должен все понять.
- Боюсь, что ты не знаешь моего отца, – тяжело вздохнула девушка.
- Тогда давай убежим! Уедем отсюда!
- И как ты себе это представляешь? Куда? Где мы будем жить?
- Совершенно неважно куда, важно с кем! – он поцеловал ее в висок.
- Отец будет искать меня. Он отправит своих людей.
- С его людьми я справлюсь.
- А как же твоя служба?
- Это я тоже беру на себя. Главное сейчас, научить тебя держаться в седле.
- О нет! Это не мое. В детстве я сама просила отца, но он тогда запретил, а сейчас я сама не решусь. И вообще, зачем мы это обсуждаем? Этого не будет! Это разобьет сердце моей маме...

С этими словами девушка убежала домой, а Ансгар направился к заставе, вспоминая свой сон накануне, как он стоял с Ульяной на вершине горы, и как они любовались рассветом. Заря уже освещала горы, покрытые лесами, и первые лучи солнца появились ровно посередине между двух горных вершин. Вид был завораживающий, но Ансгару в этот момент показалось, что девушка не дышит. Он опустился на колени и приложил ухо к ее спине, чтобы проверить, бьется ли ее сердце. Затем они неожиданно оказались у нее дома, она сладко спала, а он боялся уснуть и продолжал наслаждаться стуком ее сердца. Он старался даже не моргать, чтобы случайно не уснуть. В этом сне его не покидала уверенность в том, что, если он уснет, Ульяна прекратит дышать, а сердце ее перестанет биться.

– Бежал бы ты от нее подальше, – послышался хриплый и дрожащий голос старухи, который до смерти напугал воина, хотя он постарался не подавать виду.

– Дома бы сидела, а не шастала по ночам в лесу, – огрызнулся Ангар, разозленный больше не словами старой бабки, а тем, что не смог себя оправдать, как он не заметил сразу эту женщину, сидящую на пеньке возле тропинки, по которой он шел.

– Ночью дома мне нельзя быть, – тем же дрожащим голосом, от которого леденела кровь и волосы на затылке начинали шевелиться, прохрипела старуха и встала, опираясь на короткую кривую сухую палку.

Не разгибаясь в пояснице, сгорбившись параллельно к земле, она подошла к воину и, повернув голову набок, посмотрела на него.

– Смерть меня ищет давно, – хихикнула она. – Вот только дура дома меня ищет да по ночам, а я-то знаю об этом, вот и не прихожу домой в это время. На днях я чуть не проспала закат, еле ноги унесла. Ты бы тоже уносил ноги от этого невинного дитя леса, чувства к которой у тебя будут столь сильными, что ты еще ни разу в своей жизни не испытывал.

– Отец ее ко мне тебя послал? – строго спросил воин. – Передай ему, что я не верю в ваши сказки.

– Если меня кто-то послал, то он точно знает, как ты любишь ее запах, как не перестаешь восторгаться, когда обхватываешь ее щиколотку, смыкая свой большой палец с указательным.

– Ты еще и следила за нами, – возмутился Ангар, но та перебила его словами о том, что следила и за мыслями его, и за снами, на что наемнику пришлось уточнить, о каких снах она говорит.

– Теми самыми. Ты сам знаешь, о каких снах я тебе говорю. Оставил бы ты ее. Ведь и сам знаешь, что ни к чему хорошему это не приведет. Погубишь ты ее, а потом будешь каждую свою следующую жизнь исправлять свою ошибку этой жизни. И не найдут ваши души покоя, отыскивая друг друга в каждой последующей вашей жизни, вот только исправить все это не удастся в новых жизнях. Обречете себя на вечные страдания.

– Не знаю, как ты узнала про мои сны, но в них я счастлив с ней.

– Разве? – хохотом сумасшедшей залилась ведьма, да так сильно и громко, что чуть не упала, потеряв равновесие. Ангар машинально схватил ее за плечо, чтобы удержать ее на ногах, а та резко вцепилась своей костлявой и холодной рукой в его ладонь и добавила. – Ты разве забыл о своем сне, как мечешься между ней и своей женой с тремя детьми, забыл слезы старшего сына, когда он узнал о ней, забыл свои слезы, когда она отвергла тебя в одном из твоих снов?

– Когда встречу твою смерть, подскажу ей, где ты прячешься, – гневно произнес Ангар и отдернул свою руку.

– Передай мой привет своим смертям сначала, – торжественно хихикала старая ведьма, а затем, помолчав некоторое время, крикнула ему вслед: – Такой долг перед судьбой получишь, целой вечности не хватит, чтобы потом отдать его! Беги, дурачок! Беги скорей да не оглядывайся! Беги-и-и!!!

Хохот старушки долго еще был слышен в лесу, хотя Ангар уже почти дошел до своей заставы.

Бестелесные: Знакомство

*Всадником погибели всесветной
Стоило бы нам его назвать,
Того, кто срубил крылья бессмертной,
Кто драконов решил оседлать.*

Следующим утром Стизор проснулся, когда хозяйка дома на цыпочках пробиралась в сторону двери, чтобы выйти из хижины, при этом наступая только на те участки пола, которые не скрипели. По всей видимости, именно поэтому прошлой ночью он и не услышал, как та вышла из дома. В этот раз она не заметила его слегка приоткрытые глаза и юркнула в дверь, слегка прикрыв ее за собой. Стизору с этого положения не было видно крыльца, поэтому он закрыл глаза и, словно ворочаясь во сне, пододвинулся ближе к краю кровати. После чего он осторожно приоткрыл глаза, но обнаружил, что девушка не обратила на него никакого внимания и сидит на крыльце, поджав ноги под себя.

В таком положении она сидела около десяти минут без движения, и Стизор начал было засыпать, но неожиданно девушка подняла свои руки вверх, потянулась, затем встала на ноги и поклонилась в сторону гор, вершины которых уже начали озаряться приближавшимся восходом. После этого она начала свой странный танец. Медленный и грациозный танец под музыку утренних птиц. Она двигалась плавно и скользила по крыльцу, затем она замирала в немыслимой для Стизора позе, а потом вновь продолжала эти движения.

Длилось это не менее часа, и все это время Стизор, не отводя своих глаз, с изумлением наблюдал за грацией девушки, за ее гибким телом. Ему хотелось подойти ближе, но он боялся, что тогда она прекратит свой танец, бросится готовить ему завтрак. Поэтому чужой для этих земель и незванный в этой семье гость лежал на своей деревянной кровати без движения и затаив дыхание.

Наконец, девушка закончила свой танец, когда первые лучи солнца пробились сквозь макушки деревьев на вершине гор. Она сложила ладони около груди и поклонилась утреннему рассвету. Затем так же на цыпочках прокралась в дом, только после этого Стизор приподнялся и сел на кровать. Девушка пожелала ему доброго утра на своем языке, а Стизор повторил за ней, но, судя по улыбке девушки, у него это плохо получилось.

Девушка взяла стакан с водой со стола и подала его Стизору, тот опустошил стакан и вернул его обратно, поблагодарив на ее языке. На этот раз она не стала улыбаться, что свидетельствовало о правильном произношении этого слова. Девушка подошла к столу и начала резать зелень и овощи с такой ловкостью, что Стизор невольно представил, как она могла бы таким же легким и уверенным движением руки этим широким кухонным ножом нашинковать его самого во время сна.

Отгнав эти мысли, Стизор встал с постели, натянул свои штаны и принялся растирать ладонью свое правое плечо, которое после вчерашней активной работы разнылось с особой силой. Заметив это, девушка подошла к нему, аккуратно взяла его за руку и потянула вперед, а потом в сторону, где сложила руку в локте и отвела назад. Затем вернула руку в прежнее положение и повторила это движение несколько раз. Стизор не мог не признать, что боль существенно стихла.

– Делай! Всегда делай! – с сильным акцентом произнесла девушка, явно имея в виду повторять это упражнение ежедневно, а может, и несколько раз в день.

– Спасибо! – на своем языке поблагодарил Стизор, от изумления позабыв это слово на местном наречии.

– Много! – произнесла одно лишь слово девушка, указывая рукой на меч Стизора. – Много!

После этого она ткнула своим тонким пальцем в плечо Стизора с такой силой, что плечо снова заболело, но какой-то другой болью.

– Если ты считаешь, что мое плечо болит, потому что я убивал, – ответил Стизор, – то рука Гонфрида должна просто отвалиться.

Стизор был уверен, что девушка не поймет его, и уже направился к столу, но та ответила ему двумя словами: «Гонфрид потом». Стизору же оставалось только догадываться, имеет она в виду то, что кара настигнет Гонфрида позже, или решила, что у того тоже болит плечо и она обещает заняться его лечением позже. Размышляя над этим, островитянин жевал зелень, обнаружив, что она убрала те листья и овощи, которые не нравились ему, и он вчера оставил их в тарелке.

Вскоре девушка вернулась с горячей сковородой, где лежали бобы, зелень и куриное крыло. Стизор уже потянулся за сковородкой, но та остановила его, продолжая разбивать маленькие яйца какой-то птицы в чашку. Эти яйца она взбила палочкой, один конец которой был расщепленной на несколько частей, посыпала туда какую-то сушеную и мелко нарубленную траву и всем этим соусом полила бобы и крыло, которые лежали на все еще горячей сковороде. Только после этого она подвинула сковороду ближе к Стизору и стала пристально следить за его реакцией, а тот распробовал первую ложку, машинально кивнул головой, поскольку это оказалось действительно очень вкусно.

Тогда девушка с довольным видом отправилась выжимать сок из свежих фруктов, которые она бросала в большой кувшин, мяла их там деревянным пестом, а потом процеживала через тонкое сито в стакан. Выпив сок и обязательно запив стаканом воды, Стизор встал из-за стола и поклонился хозяйке, приложив правую руку к левой груди. Та ответила ему поклоном с прижатыми ладонями перед грудью.

– Я Стизор, – представился после секундной паузы мужчина, ткнув себя пальцем в грудь. – Ты?

Девушка кивнула головой, дав понять, что, в отличие от него, она знает его имя.

– Ксиань, – представилась она немного смущенно.

– Сиань?

– Кси-ань! – по слогам произнесла она.

– Ксиань, – проговаривая каждую букву, повторил Стизор и после получения утвердительного кивка от Ксиань кивнул головой в сторону перегородки, за которой спали дети. – Они? Как их зовут?

– Арке, – еще более смущенно и удивленно произнесла девушка, показывая рукой примерный рост своего сына, а затем, подняв руку выше, добавила, – Тхи.

– Арке?

– Арке.

– Дхи?

Ксиань засмеялась в голос и поправила его:

– Тхи.

Более не проговорив ни слова, Стизор накинул свою куртку, заткнул свой меч за пояс и направился на стройку стены, где работа уже шла полным ходом. Буйволы подтаскивали новые валуны, тролли устанавливали их на место, пленные заливали швы раствором. Стизор и Хорав в тот день не проявляли такого энтузиазма, как накануне, но продолжали следить за ходом строительства, поправляя и подсказывая при необходимости. Гонфрид вовсе не пришел в тот день к стене, сославшись на необходимость его участия в подготовке нового каравана с продовольствием в порт для дальнейшей его отправки на родные острова северян.

В полуденный перерыв, когда все укрылись в тени деревьев или под хижинами, которые стояли на деревянных сваях, Стизор, закинув колчан со стрелами на плечо и с луком в руке, скрылся в лесу, откуда вернулся спустя пару часов с тушкой косули на плече, которую он собственноручно разделал, половину тушки отдал рабочим пленным, заднее бедро второй половины вручил Хораву, предложив разделить его с Гонфридом, а переднюю лопатку принес в свою хижину.

Ксиань не оказалось дома в тот момент, она работала в поле, но дети занимались уборкой в доме. Увидев Стизора, они бросили свои дела, сделали пару шагов навстречу и поклонились ему. Стизор принялся рубить своим мечом тушку на более мелкие куски, а Тхи, взяв нож, с ловкостью, достойной своей матери, разделяла мясо на еще более мелкие куски, натирала их сушеной травой, обвязывала их веревкой и вешала под навесом возле дома. Благодаря этим травам насекомые не приставали к мясу, и оно могло храниться достаточно продолжительное время, хотя такое незначительное количество мяса вряд ли задержалось бы у них надолго.

Стизор уже хотел вернуться к стене, поскольку работа там уже после дневного перерыва должна была уже возобновиться, но Арке поманил его рукой за дом, где он указал на два больших каменных диска от ручной мельницы, которые лежали друг на друге, но немного покосившись набок. Мальчик тыкал пальцем на эти диски и что-то лепетал на своем, потом попытался поднять один диск, но сил явно не хватало. Тогда Стизор понял, что деревянный штырь, соединяющий жернова, стерся и сломался, в связи с чем ему не оставалось ничего другого, как потратить еще час своего времени на починку мельницы и замену ручки с более длинным рычагом с целью уменьшить усилие, требуемое для вращения жерновов.

Когда Стизор вернулся на стройку, строители уже остановились на короткий перерыв, успев уже хорошо потрудиться после полуденного перерыва. Солнце в тот день показалось Стизору особенно активным, поэтому он почувствовал какой-то необъяснимый упадок сил. Вспомнив свое вчерашнее обещание возвращаться домой раньше, учитывая вялость в своем теле, Стизор ушел домой сразу после того, как солнце едва скрылось за вершиной скалы.

Ксиань, которая явно не поняла этого обещания о более раннем возвращении Стизора, засуетилась при виде него и с испуганными глазами бросилась разогревать воду. В этот момент из-за хижины появился маленький Арке с широкой улыбкой от уха до уха и горящими глазами. Сам он был весь в белой муке с головы до пяток. Он радостно и широко улыбался и, активно размахивая руками, звал Стизора за собой, а, когда тот последовал за ним, с гордостью продемонстрировал огромное количество мешков с мукой, судя по которым можно было понять, что он всю вторую половину дня не покладая рук молот муку. Как выяснилось позже, он это сделал для своей семьи и для всех своих соседей.

Когда Стизор вернулся к крыльцу хижины, Ксиань уже стояла с кувшином теплой воды. Завершив водные процедуры, Стизор вошел в дом и сразу лег на кровать прямо в штанах, сняв только свою куртку, но должен был встать на ужин, который по запаху обещал быть особенным. Можно было сразу догадаться, что Ксиань приготовит мясо косули, добытое днем, но такого сочного и насыщенного вкуса Стизор не ожидал. Пока он ел, ему даже показалось, что силы вернулись к нему, но, закончив трапезу, он с трудом встал, поклонился в знак благодарности, доковылял до кровати и рухнул в нее.

Ужас читался в глазах у всех, когда Стизор, уже лежа, снял свои штаны, и все увидели огромную опухоль с синими полосками от вен на его левой ноге чуть выше колена.

– Гонфрида! Позовите сюда Гонфрида, – выдавил из себя Стизор и закрыл глаза, погрузившись в сон, пробормотав напоследок, – ненавижу ваших насекомых.

Первым распознал, чего требует чужеземец, мальчик, который тут же исчез за дверью и спустя короткое время привел друга Стизора. Тот, увидев ногу своего товарища, отправил своего помощника за лекарем, но раньше них пришел Лоуси, который, осмотрев место укуса, покачал головой:

– Почему сразу не сказал? – тяжело выдохнул он. – Сразу помогли бы. Теперь поздно.
– Ничего не хочу слышать! – заорал Гонфрид. – Если вы его не спасете, ты последуешь за ним.

В этот момент подоспели знахарь-островитянин и младший брат Лоуси, который также славился хорошими познаниями в целебных делах. Однако брат Лоуси сразу развел руками, признавая свое бессилие, а лекарь сообщил, что единственный выход – это отрубить ему ногу, только так можно спасти жизнь Стизора.

– Нет, – не открывая глаз, пробормотал Стизор. – Ногу не отдам. Лучше уж сдохнуть, чем потом нести бремя жалкого существования калекой.

– Прости, мой друг, но это единственный выход, – с горечью сообщил Гонфрид и обратился к лекарю: – Рубите!

Лекарь едва успел дотронуться до ноги Стизора, как тот, неизвестно откуда найдя в себе силы, оттолкнул его от себя, но Гонфрид бросился к нему и прижал своим телом к кровати, после чего тому оставалось только беспомощно брыкаться, пытаясь скинуть с себя громилу, и умолять не делать этого.

Лекарь развернул свой мешок с инструментами, откуда достал зазубренный длинный нож, и с ним направился к кровати, но перед ним встала Ксиань, которая все это время, казалась, безучастно возилась возле стола, а теперь выпрыгнула прямо перед лекарем, преградив ему путь к кровати Стизора. Она отчаянно что-то кричала на своем, размахивая руками и что-то показывая на столе, на кровать, а в конце наорала на Лоуси, который перевел остальным, что она обещает им вылечить его. Правда, уверенности в голосе Лоуси не было, когда он передавал слова девушки.

– Гонфрид, – шепотом из последних сил выдавил из себя Стизор, – позволь ей попытаться помочь мне. Я верю ей.

Больше Стизор не сказал ни слова, его руки, все еще пытавшиеся столкнуть с себя своего друга, повисли над кроватью. В комнате воцарилось молчание, все замерли на своих местах. Первой сориентировалась Ксиань, которая практически силой всех вытолкала из своего дома, а остальные не сильно этому и сопротивлялись, поскольку были в полном замешательстве и не знали, что делать.

Когда все ушли, Ксиань вернулась к столу, где продолжила свою кропотливую работу по сбору в одну чашу различных трав, которые она залила теплой водой, а полученную массу нанесла компрессом на ногу Стизора. Он пару раз приходил в себя и видел, как она постоянно меняла компресс, выкидывая старые листья и прикладывая новые, только что залитые теплой водой. Среди глубокой ночи она разбудила сына, который только было уснул, поскольку поначалу долго сопротивлялся воле матери, не желая ложиться спать. Теперь ему пришлось встать по ее велению и отправиться на соседнюю улицу к его тете за новой порцией листьев, поскольку запасы Ксиань иссякли.

Под утро Стизор, открыв глаза, обнаружил, что девушка сидит рядом с его кроватью на полу и разглядывает его ногу. Он тоже заметил, что опухоль существенно спала, синие прожилки вен практически исчезли, но он все еще чувствовал такую слабость, что даже шевельнуть губами ему удалось с трудом.

– Получилось? – еле выдавил из себя шепотом мужчина, но Ксиань приложила свой указательный палец к его губам, советуя не тратить силы на разговоры.

Еще через некоторое время Ксиань разбудила его и дала выпить какой-то горький отвар и запить это стаканом воды. Чуть позже она снова разбудила его и требовала выпить стакан сока, но Стизор осилил лишь полстакана и, несмотря на возмущение девушки, не смог заставить себя выпить еще. В следующий раз Стизор проснулся уже под вечер, когда солнечные лучи начали пробиваться через щели западной стены хижины, а проснулся он от жуткого холода. Его аж трясло от озноба, хотя он уже лежал под несколькими хлопковыми покрывалами, а Кси-

ань носилась по дому, собирая любые тряпки, свои платья и все это складывая на него, но все это не приносило нужного результата. Стизор продолжал лежать, трясаясь от озноба и стуча зубами. Тогда Ксиань взобралась к нему под покрывала и обняла его, прижимаясь всем телом.

Стизор сразу же почувствовал своим боком тепло ее тела. «Как жаль, что она такая маленькая и не может накрыть меня своим телом полностью», – подумал Стизор, но постепенно это тепло начало растекаться по всему его телу, и он снова уснул.

Торни: Кровные узы

*И не вспомнит уж никто
Причины той вражды,
И в этом ведь нет нужды,
Ибо все уже накопят
Злосердий новых доводы.*

– Сколько раз я говорил тебе, что ты должен первым сообщать королю такие важные новости? – возмущался мужчина среднего роста с длинными пепельно-седыми волосами, свисающими ниже плеч, одетый в приталенный камзол, который явно был сшит на заказ и тщательно подогнан под его худощавое телосложение.

– Я не успел дойти до него, – оправдывался второй, в кольчуге и длинном плаще, который выглядел сильно младше него, сам крепкого телосложения, но с небольшим пузом и вторым подбородком, который немного старил его.

– Сообщение прислал твой брат, верно? – не отступал первый, расхаживая в небольшом зале дворца, где находился один письменный стол с несколькими резными деревянными стульями, а одна стена была заставлена стеллажами, которые были битком забиты различными свитками и даже сшитыми книгами на тонком пергаменте или бумаге.

– Да, – выдохнул второй.

– Твой человек спешил к тебе с этой информацией, так?

– Да, но... когда Курман встретил его на улице, поинтересовался, куда он так спешит, тот и рассказал ему о нападении орков на Милинтил, посчитав, что невежливо врать советнику короля.

– Так гони этого вежливого идиота вон! – взревел в бешенстве мужчина.

– Дядя Слут, кто же тогда останется у меня? Он очень грамотный писарь и хороший воин. Кто останется у меня, если всех увольнять.

– Надо избавляться от таких, чтобы не тратить напрасно свое время, – настаивал Слут, а затем продолжил, немного задумавшись: – Раз ты считаешь это нормальным, сам и придумай, как попасть на прием к королю.

– Может, тогда вы сами предложите королю набрать наемников? – мялся племянник.

– Мой рейтинг на должном уровне, а вот твой стоило бы поднять. И я не позволю упустить тебе такой шанс перетянуть своего брата к нам в город. У него мозги устроены гораздо лучшим образом, и он сможет быстро выслужиться, а потом и тебе поможет.

– Хорошо. Я решу это.

– Решит он, – недовольно проворчал Слут, отвернулся и некоторое время молча смотрел в узкий оконный проем в стене, а затем внезапно оживился. – Напомни мне, Миклай, а твой сын дружит с сыном Курмана, верно?

– Они вместе ходят на уроки фехтования, ну и вместе играют после занятий...

– Так пусть уже подружится основательно и вложит в его голову, что они дети свободного мира и не должны потакать прихотям сына короля, ведь он только ребенок, как и они сами, а не король.

– Мой сын не любит ходить в дворцовый сад, потому что там садовник их вечно отчитывает за каждый сломанный прутик. Когда в очередной раз сын Слута позовет его туда, он пояснит, что ему горестно смотреть, как тот беспрекословно служит сыну короля даже во время совместных игр.

– Прекрасно! Ведь получается, когда стараешься.

– Спасибо, дядя!

– Не обольщайся только. Курман мешается уже давно, но за счет старой дружбы с королем мы бессильны против него в прямом противостоянии, а вот дети могут как укрепить дружбу родителей, так и внести раздор. Теперь ступай и предложи свою гениальную идею королю.

Миклай слегка поклонился и твердым шагом вышел из зала, куда следом вошел личный охранник Слута, который был уже в не самой лучшей форме, даже меч не носил с собой, но говаривали, что ему нет равных в ближнем бою на ножах. Этим его уникальным качеством и объяснял Слут то, что не заменил его до сих пор. К тому же от него часто поступали действенные советы в некоторых дворцовых вопросах. Также через него проходила ценная информация от прочих прислуг и королевской стражи.

– Все нянчишься со своим племяшом? – немного хриплым голосом поинтересовался он.

– Приходится, ибо обещал их матери, – тяжело вздохнул Слут. – Вот только мозги он явно унаследовал от своего отца, а не от матери. В нашем роду таких баранов никогда не было.

– Младший брат его, помнится, смышленее будет.

– Этот да, – согласился мужчина, и голос его переполнялся гордостью.

– Но служит у нас при дворе Миклай, а не Лорев.

– Это, скорее, заслуга его жены Айены, а не Миклая. Она всю жизнь мечтала переехать в город. Очень хитрая женщина, я тебе скажу, Ильнам, и не столь простая, какой видится на первый взгляд.

– Возможно, только я не пойму, что с ней не так. Природа наградила ее милой мордашкой, но вечно унылое выражение лица опустило уголки губ вниз, и теперь они не поднимаются даже в улыбке. Из ваших рассказов о ее матушке я понимаю, что унаследовала она от матери стройный стан и упругую грудь, но, если б она хоть раз выпрямилась и расправила плечи, и грудь встала бы на место, и ростом сделалась выше, а так выглядит, словно вместо грудей пришили свинцовые котелки ей, что сил у нее нет их достойно носить.

– Непростая выпала ей доля, может, это и сказывается. Ее же родители привели в дом моей сестры, когда ей было одиннадцать лет.

– Вы не рассказывали мне об этом...

– Значит, не было надобности или случая.

– Зачем же ее привели так рано?

– Отец ее признался прямо, что не может в этот неурожайный год прокормить двоих дочерей и сына. Вот и предложил выдать ее за старшего из сыновей моей сестры, у которой было трое сыновей и ни одной девочки. Мол, и моей сестре в помощь, и ему дочь родную не придется в лес отводить. Сестра моя и сжалилась над ней, да только племянник мой долгое время не мог сообразить, зачем она ему, – громко засмеялся Слут.

– Так ему-то десять лет было тогда, – быстро посчитал в уме Ильнам, но ошибся.

– Девять, – поправил его Слут, – Было ему девять, а братьям и того меньше, вот его братья и приняли ее за новую игрушку да издевались, как только могли. Ох, что только они ни вытворяли с ней. Подбросить в ее кровать дохлую крысу, подсыпать в ее похлебку бараний помет вместо черного горошка – это самое безобидное из того, что придумали эти негодники тогда.

– Пошадите, мой лорд, я только из кухни. Только не говорите, что она их ела.

– Я тоже не стал уточнять, но после этих рассказов даже стало жаль девочку, пока не узнал ее ближе. Как бы то ни было, она уже сыграла свою роль, когда убедила своего мужа обратиться ко мне за помощью, а тот, видимо, тоже испытывает вину за то, что не додумался раньше ее защищать и теперь не может ее на место поставить...

Что-то еще хотел рассказать Слут, но в этот момент его позвали в тронный зал, где их уже ожидал король. Слут сразу же быстрым шагом направился к королевской башне, которая располагалась слева от здания, где они находились. Ильнам с трудом поспевал за своим господином и периодически переходил на короткий бег, а после того как прошли через неболь-

шую площадь, уже перед входом в башню сдался и остался возле королевской стражи, стоящей перед входом в башню, которые посмеивались над тем, как тяжело тот дышит и не может отдышаться, но тот отшутился, что посмотрит на них, когда те достигнут его возраста. «Если, конечно же, это вам вдруг удастся сделать», – добавил он, внимательно осмотрев их.

Несмотря на то что Слут очень спешил, к его приходу в тронном зале короля Торни-Урбена собрались уже все советники, чему Слут был сильно раздосадован. Ведь он не успел шепнуть королю первым наедине свое видение ситуации, чтобы король уже начал обдумывать его идею и мог при случае выдать ее за свою собственную, поскольку никто, кроме Слута, не мог предъявить свои права авторства, а тот был достаточно мудр, чтобы не делать этого. Хорошим знаком было тот факт, что король сам озвучил предложение Миклая, а не просил сделать это еще раз автора идеи. Это, по мнению Слута, свидетельствовало о заинтересованности короля в этом решении.

Опасения Слута оправдались, когда Курман высказался против увеличения расходов на содержание армии, но короля заставили всерьез задуматься слова Миклая о том, что в случае нападения орков на Торни-Урбен с тем численным превосходством, которым они надвигаются сейчас на Милинтил, быстро наступит такой день, когда содержать будет некого и некому. Слут придавал весомость словам Миклая, выразив свое сожаление о том, что сам не догадался предложить столь гениальную мысль, и обратил внимание, что после первого же вторжения орков на их земли в Торни-Урбен расходы на содержание армии сильно сократятся в связи с прямым сокращением численности этой армии.

Король в итоге принял решение увеличить армию Торни-Урбена за счет наемников, в том числе из Милинтила, но Курман немного подпортил замысел Слута, озвучив мысль о том, что личный призыв короля во время его прямого посещения ближайших населенных пунктов увеличит шансы призвать большее количество воинов. «А главное, – сказал он, – опытный взгляд короля и его мудрость исключит рекрутирование наемников, от которых не будет пользы».

Ульяна: Дыхание

*Проигравшие не обретут покой,
И будут тому, конечно же, виной
Потерявшие все победители,
Душ и судеб всех разрушители.*

– Что мы делаем? Как же так? Что мы делаем? Куда бежим? – повторяла Ульяна, слезая с лошади.

– У нас не было другого выхода, если мы хотим быть вместе, – сухо ответил Ансар и, оглядевшись по сторонам, добавил: – Укутайся в меха и поспи немного. Ничего не бойся. Я буду неподалеку.

– Что значит неподалеку? Куда ты собрался? – испуганно спросила девушка.

– Нужно немного поохотиться.

– Но у нас еще не закончилась еда.

– Доверься мне. Поспи немного, через пару часов нам придется продолжить путь.

Ансар поцеловал Ульяну в лоб и быстрым шагом скрылся в темноте. Некоторое время Ульяна сидела, прислонившись спиной к большому дубу, напрасно вглядываясь в кромешную тьму, но вскоре усталость после дороги и тепло меховых курток взяли верх над страхом, и она задремала. Ей показалось, что она закрыла глаза лишь на пару мгновений, но, когда проснулась, заметила, что уже не так темно. Небо стало светлее, вершины гор уже озарялись рассветом, можно было разглядеть отвесные высокие скалы неподалеку.

Девушка хотела встать, но в этот момент чья-то сильная мужская ладонь крепко сжала ей рот и прижала к земле. Она захотела закричать, но не смогла. Внезапно перед ней возникли две мужские фигуры, которые в одно мгновение связали ей руки, заткнули кляпом рот и перекинули ее через лошадь. Спустя считанные секунды они уже мчались галопом прочь от места, где ее оставил Ансар.

Сначала она была уверена, что это люди ее отца, а значит, они не причинят ей вреда, к тому же Ансар догонит их и освободит ее, но после того как они свернули с тропы в сторону холмов, ее охватила паника. Она пыталась повернуться и разглядеть лица ее похитителей, но все было напрасным – их лица были скрыты под капюшонами. Ульяна озиралась по сторонам, дыхание ее перехватило от ужаса. К тому же в один момент всадник почему-то навалился на нее всем телом, от чего стало дышать еще сложнее, а затем он захрипел и свалился с лошади. Ульяна лишь успела заметить стрелу, торчашую у него из горла.

«Ансар», – облегченно подумала она, но тут же поняла, что приключения на этом не закончились. Напуганный конь понесся еще быстрее, и в один момент, несмотря на все усилия Ульяны удержаться на спине скакуна, тот скинул девушку с себя. Ульяна ударилась о землю и покатила по траве. Она пыталась выставить локти, чтобы остановиться, но тщетно. Трава сменилась жесткими камнями, затем полет... и девушка погрузилась в ледяную воду.

В один момент, уже отчаявшись, Ульяна перестала двигаться и медленно начала погружаться в воду, но вдруг ее ноги коснулись каменного дна. Она постаралась оттолкнуться от него вверх и начала пытаться грести связанными руками и ногами. На короткое мгновение она вынырнула, успела глотнуть воздух, но снова пошла ко дну. Второй раз она уже более уверенно нащупала ногами дно и сильнее оттолкнулась от него. Вынырнув в очередной раз, она услышала голос Ансара над головой.

– Хватайся! Держи мою руку! – кричал он, свисая над узким ущельем, но Ульяна снова ушла под воду и перестала шевелиться.

Ансгар прыгнул в воду, поднял голову девушки над водой. Та не дышала. Он несколько раз пытался поднять ее над головой и вытащить ее из ущелья, но оно было слишком глубоким. Тогда он просунул свою левую руку между связанными руками Ульяны, закинув девушку себе на спину, и начал карабкаться вверх, цепляясь за маленькие и скользкие выступы в скале. Он спешил, но несколько раз срывался вниз, падал вместе с ней, и, наконец, ему удалось зацепиться за торчащий из скалы корень и по нему выбраться из ущелья.

Девушка не дышала. Он положил ее животом на свое колено и несколько раз надавил рукой на спину Ульяны, затем перевернул ее на спину, прильнул ухом к ее груди. Биения сердца не было слышно. Ансгар огляделся по сторонам, словно пытался найти лекаря среди этих скал. Глаза его были полны ужаса.

– Дыши же! – закричал он и резко ударил рукой в грудь девушки.

Ульяна открыла глаза, а у Ансгара покатались слезы по щекам.

– Душа моя! Как же я испугался! Прости! Прости, родная, – повторял он, раздевая девушку и обтирая ее ледяное тело руками.

Затем он подбежал к телу мужчины, лежащему рядом, из груди которого торчал меч Ансгара. Снял с него куртку с рубахой и начал кутать в них девушку. Ульяна отпрянула назад, мотая головой.

– Надевай! – властно потребовал Ансгар. – Это единственная сухая одежда, которая у нас пока есть. Да, запачкана кровью, но сухая.

Ульяне пришлось подчиниться и натянуть на себя липкую рубаху с пятнами крови и укутаться в эту крутку, пока Ансгар собирал сухие ветки и с помощью удара камней друг об друга пытался разжечь костер. Его руки дрожали то ли от холода, то ли от волнения, что мешало ему добыть хорошую искру. Он положил камни на землю, глубоко вдохнул, закрыл глаза, выдохнул, снова взял в руки камни, ударил камни друг об друга еще раз, искра вылетела на сухую траву, которая тут же воспламенилась.

Ансгар на руках перенес девушку ближе к огню, хотя она пыталась возразить этому, утверждая, что может сама встать. Девушка легла на землю и закрыла глаза. Она лежала лицом к костру с закрытыми глазами, сзади ее обнимал Ансгар и периодически прислонялся ухом к ее спине.

– Я дышу, – в один момент тихо прошептала Ульяна. – Прекрати уже.

– Я знаю, – так же шепотом ответил Ансгар, – и я слышу биение твоего сердца. Это самый приятный звук, что только можно слышать на земле.

В один момент Ансгар все же задремал, хотя и не погрузился глубоко в сон, но ему снова снилась Ульяна, как он поцеловал ее и запрыгнул в колесницу, которая двигалась без лошади. Затем он приехал к какому-то странному замку, где он быстро поднимался по лестницам вверх, но не от того, что очень спешил, а в связи с тем, что, переполненный любовью, он чувствовал необычайную силу внутри себя. Энергия лилась через край, да с такой силой, что он, поднимаясь по лестнице, перепрыгивал через три—четыре ступени.

Он жадно вдыхал воздух в городе, и он не казался ему вонючим от помоев, которые выливались горожанами прямо из своих окон на улицу, от конского навоза повсюду. Ему раньше не нравился дождь, а сейчас он наслаждался каплями дождя на лице, пусть даже холодного дождя. Он снял свои сапоги и шел босиком по каменной мостовой, и брусчатка не казалась холодной. Он был счастлив.

Бестелесные: Пробуждение

*Настанет день и час,
Безумие охватит нас.
Кто останется в своем уме,
Первым сгинет в этой мгле.*

Стизор так и проснулся под грудой покрывал в объятиях Ксиань, как ему показалось, следующим утром, но ему потом сообщили, что он проспал три дня, а все эти дни хозяйка дома смачивала ему губы водой и обогревала его своим телом во время очередных приступов озноба. Девушка сразу же заметила, что Стизор проснулся, пощупала его лоб рукой, потом прильнула губами, видимо, не сумев определить температуру его тела с помощью ладони. Когда она встала, Стизор тоже хотел последовать за ней, но она прижала его рукой за плечо к постели, указывая, что ему лучше пока оставаться там. Сама же Ксиань принесла ему стакан воды, после чего скрылась за дверью.

Как и в предыдущие дни, солнечный свет раннего утра пронизывал тонкими лучами всю хижину сквозь щели в стене дома. Стизор хотел все же попробовать встать, пока Ксиань не видит его, но сначала решил посмотреть, чем она занята. Судя по шуму за его спиной, она была на уличной кухне, и, чтобы увидеть девушку, ему пришлось повернуться со спины на левый бок. Это простейшее действие, которое обычно удается даже младенцам нескольких недель отроду, оказалось для Стизора не такой уж и легкой процедурой. Он, конечно же, сумел это сделать, но понял, что пытаться встать на ноги сейчас даже не стоит, а после того как повернулся набок, лежал некоторое время с закрытыми глазами, потому что голова кружилась от усталости после непосильных упражнений по перекачиванию собственного тела со спины на бок.

Когда Стизор вновь открыл глаза, он прильнул к одному из многочисленных отверстий в стене и увидел, наконец, чем занята Ксиань. Она мыла овощи и резала их в тот момент. Рядом на небольшом очаге, сложенном из камней, стоял небольшой котелок, откуда уже шел пар. Большой кухонный нож в тонких руках девушки казался громадным мечом. Волосы ее были растрепаны и свисали на ее глаза, чего раньше не замечалось за ней, ведь она всегда убирала свои волосы, чего требовала и от своей дочери. Несмотря на кажущуюся ловкость ее движений, также можно было заметить, что она не столь проворна, как в предыдущие дни, и не работает так же быстро.

Когда Ксиань вернулась в хижину с котелком, который у нее висел на сучке короткой палки, как на крючке, чтобы не обжечь руки, Стизор снова задремал. Девушка на цыпочках, подбирая участки пола, которые не скрипели, проскользнула к столу, где налила бульон в стакан, и, дождавшись, когда он немного остынет, разбудила Стизора и помогла ему лечь на спину и немного приподняться. После чего подала ему стакан с бульоном. Первый глоток дался с трудом, Стизору показалось, что его стошнит от второго глотка, но девушка настаивала выпить весь бульон.

«Эта девушка тратит больше усилий ради спасения чужой жизни, жизни своего врага, а я не могу сделать второй глоток ради своего собственного спасения», – подумал Стизор и предпринял очередную попытку, и этот второй глоток показался более легким, а вкус бульона – бесподобным. Небольшими глотками, то ли из страха, что стошнит, то ли наслаждаясь вкусом, Стизор опустошил свой стакан и вернул его хозяйке.

В полудремотном состоянии северянин провел несколько часов, когда сон перемешивался с явью. В один момент ему показалось, что он уже спит и видит во сне свою родную дочь, но потом он догадался, что это проснулись дети Ксиань и полупшепотом разговаривают

за столом во время завтрака, а их мама периодически напоминает о необходимости соблюдать тишину. Только от «тс-с» Ксиань Тхи начинала хихикать, а затем к ней присоединился Арке, после чего их мама, также с трудом подавляя свой смех, пыталась строить суровое выражение лица, чтобы успокоить детей. Стизор в один момент хотел сказать им, что они не мешают ему, но слишком долго пытался подобрать подходящее слово из своего скромного словарного запаса языка местных жителей.

С этими мыслями Стизор все же провалился в глубокий сон, а проснулся от голоса Гонфрида, который пришел справиться о здоровье товарища.

– Выглядишь ужасно, мой друг, – покачал он головой с легкой улыбкой на лице, когда заметил, что тот открыл глаза, – но эта ведьма творит чудеса. Учитывая, что она вырвала тебя из цепких рук смерти, не так уж плохо ты и выглядишь.

– Я тоже рад тебя видеть. Как там наша стена?

– Строится. Не переживай. Ты же сам всегда говорил, что главное – фундамент, а его ты заложил.

– Торопи там всех.

– Уж поверь мне! В скорейшем завершении стены я заинтересован не меньше тебя. Как только стена будет завершена, я хочу перевезти сюда свою жену.

– Ты не шутишь?

– Почему ты удивлен? Нам здесь работы предстоит еще много. Вряд ли мы так скоро сможем вернуться на острова. Собственно, что там делать? Здесь чудесная погода, столько прекрасных фруктов и ягод, которые наши жены ни разу не пробовали. Пусть лучше они к нам, чем мы к ним. К тому же я не успел еще насытиться своей молодой женой.

– Мне показалось, что тебе здесь нравится и без жены. Груды ты себе нашел.

– Так ведь не в грудях одних счастье. Стоит, конечно, признаться, что Слу начинает понимать, чего я жду от нее в постели, и сама входит во вкус, но ни одна из них не заменит мою Арнидис. Не хватает в них чего-то такого, что есть в наших женщинах. Не могу передать это словами.

– Быть может, все сводится к тому, что ты любишь свою жену?

– О нет! Здесь что-то другое! На островах мне нравилось много женщин. Здесь же смотреть на них не хочется. Вынужденная мера. Это как помочиться. Ни разу не хочется посещать в жару туалет, полный мух, но ты туда вынужденно ходишь, так и здесь. Деваться некуда, покуда жен наших рядом нет. Тебя-то все устраивает с твоей тут? Как она в постели? Если что-то не так, ты скажи, можем заменить. Этот старикашка наверняка что-то еще припрятал от нас. Если надавить на него, то можно получить больший выбор. Ты знал, что многие женщины корчат гримасы страшные, когда ходят по улице, чтобы нам не нравиться?

– Я видел это в порту, но здесь не заметил пока, – улыбнулся Стизор.

– Так что поправляйся! Достроим стену, жен перевезем. Наладится все! Прощайте, острова!

– Разве ты не скучаешь по островам?

– По бесконечной мгле туманов? По ветрам, что сбивают с ног? По холоду, пронизывающему до костей? Уточни, по чему именно я должен скучать?

– По соленому воздуху, что прочищает наши ноздри и заставляет распознавать малейший оттенок любого запаха. По холодным водам океана, что, разбиваясь о скалы, распыляют свою силу по всем островам, проникая в стебли ягод и хмеля, от чего получается столь изысканный вкус вин и пива...

– Насчет хмеля согласен, – перебил своего друга Гонфрид, – но я уже отладил его поставку с наших островов, поэтому этот вопрос решен.

– Тогда у тебя, действительно, нет причин возвращаться на острова.

– Тоска твоя пройдет, мой друг, – по-дружески положил свою тяжелую ладонь Гонфрид на плечо Стизора. – Ты сейчас не переживай ни о чем. Поправляйся.

Стизор промолчал, не подобрав нужных слов и не имея особого желания вести дальнейшую беседу, поскольку уже утомился настолько, что тело его требовало срочным образом уйти в забвение. Гонфрид, видимо, почувствовал состояние друга, поэтому поспешил удалиться, но задержался возле двери.

– Прости за покушение на твою ногу, – теребя от смущения свою густую бороду, заплетенную в косу, извинился Гонфрид. – Мы очень сильно испугались за твою жизнь.

Милинтил: Предложение короля

*Начнется битва за крылья,
Колдуны падут от бессилия.
О солнце, о свете...
Вспомнят о поэте.*

Когда Вактин открыл глаза, он лежал в чистой теплой постели. Солнечный свет падал из окон, и Вактин в первое время ничего не видел, кроме яркого света, но тут он заметил, как над ним склонился Агвинар.

– Доброе утро, – поприветствовал он своего друга. – Хотя уже вечер, но ведь для вашего народца, когда проснулся, тогда и утро.

– Доброе, – ответил Вактин, пытаясь нащупать рукой рану на животе.

– Не снимай пока повязку, – предупредил маг.

– Там ничего серьезного? – не сумев спрятать страх в глазах, спросил Ваки, нащупывая повязку на своем животе.

– Что ты чувствуешь?

– Ничего. Словно я здоров и полон сил и энергии.

– Да будет так, но я должен предупредить тебя.

Тот с еще большим страхом посмотрел на Агвинара.

– Ты был ранен не обычной стрелой, – продолжил маг после небольшой паузы. – Стрела была отравлена, с ядом я справился, но к тому же это была стрела одного из вожаков орков. Кстати, стоит тебя поздравить, ты убил вождя, – улыбнулся маг и вновь сделался серьезным. – Но это и хорошо, и плохо одновременно, на стрелы этого вождя орков было наложено заклятие. Я применил все свои возможные магические способности, но не могу сказать, что получилось.

– И что со мной будет? – спросил Вактин, внимательно выслушав мага.

– Не могу сказать определенно. Возможно, мы справились, и ты даже не почувствуешь на себе никаких последствий, кроме шрама, конечно. А может, мы не сумели вылечить тебя полностью. Пожалуйста, как только заметишь в себе какие-либо изменения или почувствуешь хуже, сразу же сообщи мне об этом. А теперь отдыхай, у меня дела.

– А мы победили их?

– Да, мой друг, – улыбнулся маг. – Это сражение мы выиграли, но война еще не скоро окончится. Орки пожелают отомстить за своих сородичей и обрушат свой гнев на Милинтил. Нужно подготовиться. И еще, – добавил маг, уже стоя на пороге, – ты спал шестьдесят часов, если это тебе, конечно же, интересно.

Первым делом Агвинар направился к кузнецу Фегру, который считался лучшим в Милинтиле, и заказал у него большое количество наконечников для стрел. Кузнец предложил сразу же обратиться в оружейную, где можно приобрести готовые стрелы, но маг пояснил, что ему нужны только наконечники для стрел, и чем больше, тем лучше.

Затем Агвинар отправился к плотникам, которые в тот момент укрепляли южную часть стен города. После сражения с орками Агвинара в городе все узнавали и радостно приветствовали, многие низко кланялись ему, но маг не обращал на них внимания, весь погруженный в свои мысли и дела, он шел по городу, словно отстраненный от мирской суеты и житейской обыденности. Так и плотники громко поздоровались с ним почти хором.

– Добрый вечер, Ивес, – обратился Агвинар к старшему плотнику, не обращая на остальных внимания. – Нам нужно поговорить.

– Добрый, – хриплым голосом ответил плотник-гном. – Нужно поговорить, – добавил он как бы про себя.

– Вот здесь куча чертежей, – пояснил Агвинар, вытаскивая из-за пазухи несколько свертков кожи. – Это чертежи для изготовления катапульта.

– Чертежи катапульта, – так же спокойно согласился гном, перебирая чертежи своими крепкими и мозолистыми пальцами.

– У Милинтила слабая защита, нет ни одной катапульти на стенах. Я хочу установить несколько катапульта к воротам, а в последующем окружить весь город камнеметами. В общем, наша задача на всех стенах вокруг Милинтила соорудить и выставить катапульти.

– Это хорошо, на стенах катапульти, – еще более задумчиво произнес плотник, разглядывая чертежи.

– Выбери подходящий нам вид катапульти и приступай к работе. Все расходы я готов оплатить.

– Оплатить... – протянул гном. – Так что же мы не понимаем, что это для общей пользы? Оплатить? Да, нам понадобятся материалы, а за работу мы не возьмем денег.

– Значит, договорились?

– Значит, договорились...

– Наконец-то нашел, – задыхаясь и пытаясь перевести дыхание, радостно воскликнул только что прибежавший и весь запыхавшийся Сельфиан. – Из Торни-Урбена сам король приехал в Милинтил и зовет нас. Скорее, они ждут нас в доме Холура. Холгин и Сиригор уже там. Скорее, – торопил он.

– Если у короля есть время приехать из самого Торни-Урбена, у него найдется время и подождать нас полчаса. Не стоит торопиться. Так ему наша встреча будет казаться более радостной от ожидания, – загадочно улыбнулся маг и спокойным шагом направился в сторону дома главы города.

Возле дома Холура стояло множество рыцарей из Торни-Урбена. Они с нескрываемым интересом смотрели на мага и эльфа. Во дворе их уже дожидались Холгин и Сиригор, они были в своей боевой форме, в которой сражались при обороне Милинтила. Только теперь кольчуга Холгина и доспехи Сиригора еще ярче блестели на солнце. Кро, по своему обыкновению, стоял за своим хозяином. Он вовсе старался не оставлять Холгина, всегда готовый броситься на его защиту с тех самых пор, как Холгин по своей душевной доброте защитил его от избиения шестерых подростков, когда они еще учились в школе письма и чтения.

Так Кро принес клятву верного служения своему юному спасителю и по сегодняшний день держал свое слово, и нельзя было его упрекнуть в неумении делать это достойным образом. Фастул стоял среди них в своей привычной одежде и вооружении, только теперь у него за спиной висело два меча. Во время обороны Милинтила он открыл для себя новый способ ведения боя с мечом в каждой руке, до которого почему-то не дошел ранее. Поэтому теперь он добавил к своему вооружению еще один меч, такой же, какой у него был до этого.

– Ну что ж, пойдём, раз нас ждут, – приветливо улыбнулся маг, и они направились к высоким воротам дома главы города.

Все пошли по каменной дороге, огибая зеленую лужайку с ровно выщипанной под одну высоту густой травой в пять—семь сантиметров и занимающую всю площадь между воротами во двор и домом. Только Сиригор пошел напрямик, оставляя глубокие отпечатки своих больших ступней в ухоженной траве. Зачем он так поступил, никто не спрашивал, поскольку он шутил редко, но у него было странное чувство юмора, и порой он вытворял не поддающиеся логическому объяснению поступки, которые часто забавляли его друзей, а иногда приводили в полный ступор, ибо те не понимали, шутит он в данный момент или иная причина кроется в его деяниях.

В тронном зале их уже ожидал Холур и сам король Торни-Урбена Гизендур. Раньше вся территория между реками Симдар и Силенкул считалась одним королевством, и правитель звался королем Радиса. Но вскоре Милинтил, став крупнее, провозгласил себя независимым

городом, и теперь они носят формальный статус двух отдельных королевств. Правда, правителя Торни-Урбена также продолжали величать королем, а в Милинтиле правил глава города. Поначалу активно обсуждалась идея переименовать главу в короля, но то ли действительно из уважения к истории, традициям города и почтения к предыдущим главам города, то ли по причине того, что эту мысль заложил в голову ленивый старший писарь города, которому в случае переименования предстояло проделать большую работу по приведению в соответствие новым реалиям старых указов Милинтила, как бы то ни было на самом деле, но именно старший писарь был единственным ярым защитником старых традиций в тот момент и призывал главу города проявить уважение к именам его предков и предоставлял расчеты круглых и весомых цифр по затратам на изготовление новых королевских атрибутов и печатей.

– Приветствую вас, доблестные рыцари, – поздоровался король Гизендур с отрядом Агвинара.

– Добрый день, – поклонился маг. – Чем обязаны такой чести личной встречи с королем Торни-Урбена?

– Ваш народ всегда столь прям? И говорит только о делах? – пытаюсь сгладить напряженную обстановку в зале, обратился к Холуру Гизендур.

Глава Милинтила молчал, казалось, он был чем-то сильно недоволен, но мудрости его было достаточно для того, чтобы не выказывать это прямо.

– Слухи о вашей отваге и доблести дошли до Торни-Урбена, – продолжил Гизендур. – Я хочу нанять вас и полурослика, что был с вами...

– Вактин, – перебил его Холгин.

– Что?

– Его зовут Вактин.

– Ну да, Вак-тин, – как будто с трудом проговорил Гизендур. – Я не могу нанять других воинов из гарнизона Холура, но вы ведь не стоите на службе у главы Милинтила. Я предлагаю хорошую оплату, великие сражения, великие трофеи и славу взамен на ваши стрелы, мечи, доблесть и отвагу на службе короля Торни-Урбена.

Так властно и убедительно с твердым голосом, слегка закинув голову назад и обращая свой взор выше макушки Сиригора, говорил король, что все, кроме мага и Холгина, у которых не менялось выражение лица, уже стали представлять себя в роскошных залах среди несметного богатства и прекрасных девушек. Холгин вовсе вступал в бой только в крайних случаях, исключительно для защиты собственной жизни и жизни близких ему людей. Поэтому в нем можно было не сомневаться, что он даже не станет рассматривать это предложение короля.

– Я вынужден отказать, – немного склонив голову, произнес Агвинар. – Здесь я родился, вырос, здесь живут все близкие мне люди. В эти беспокойные времена я считаю своим долгом остаться здесь.

Холур старался казаться невозмутимым, но было заметно, что он немного повеселел.

Сиригор, ничего не ответив, развернулся и молча вышел из тронного зала.

– Я остаюсь здесь, – гордо заявил Холгин.

– Вы что скажете? – обратился к Сельфиану и Кро король.

– Куда мой господин, туда и я, – пробубнил фастул.

– Агвинар, Холгин, – обратился Сельфиан, – почему вы отказываетесь? Почему вы отказываетесь от приключений и славы?

– Поверь мне, мой друг, – тихо ответил Агвинар, – все это ты сможешь получить и здесь.

– Хорошо. Да, и здесь можно сражаться. И мы уже сражались, а что за это получили?

– Мы отдали свой долг, – пояснил маг. – Наши семьи живы...

– У меня нет семьи, – не позволил закончить Агвинару Сельфиан. – Впрочем, как и у тебя!

В этом он был прав. Отцы Сельфиана и Агвинара были на службе в гарнизоне Милинтила и погибли во время похода в горах несколько лет назад. Когда их отряд преодолевал Узкое ущелье, произошло землетрясение, и все остались под камнями. Учитывая, что погибли они не на поле битвы от стрел и мечей, а в результате стихийных событий, их даже не почтили должным образом, а их семьи не получили какой-то помощи от города. Мать Сельфиана не пережила горя и утопилась в реке. Агвинар же вовсе не помнил свою мать, которая скончалась при родах.

Среди всех друзей Агвинара только у Холгина родители были живы. Мать Кро была убита стражами Милинтила, когда те хотели отобрать у нее ребенка. Она погибла, но помогла Кро убежать. Тогда его приютила сестра матери, вскоре добилась свободы для него и даже устроила его в местную школу письма и чтения. Мать Сиригора вернулась из пещеры тролля вся больная, целители Милинтила долго бились за ее здоровье. Сначала она даже пошла на поправку, но после того как родила Сиригора, через полгода слегла окончательно. Четыре года ее терзала болезнь, пока смерть не принесла избавление от мук. Сиригор отказался куда-либо переезжать из дома матери и с четырех лет жил один. Вначале соседи помогали ему, но вскоре он уже самостоятельно мог прокормить себя.

От слов Сельфиана глаза у мага сверкнули, но он сохранял спокойный вид:

– Я не держу тебя, – сказал он. – Ты можешь идти. Иди, ты ведь всегда хотел свободы, чтобы не зависеть от меня.

После этих слов маг развернулся и направился к выходу, Холгин со своим слугой последовали с ним.

– Я принимаю ваше предложение, – сказал Сельфиан и преклонил колени перед королем Торни-Урбена.

В тот же день ближе к вечеру король со своими людьми, Сельфиан и еще четверо мужчин, которые также приняли предложение Гизендура, выехали из ворот города, но не успели они даже пересечь Симдар, как из ворот выехала белоснежная лошадь с прекрасной стройной наездницей. Это была эльфийка Лисцина, влюбленная безумно в Сельфиана. Они уже несколько лет были вместе, часто ссорились, но, казалось, любили друг друга.

– Ты уезжаешь? – спросила она, подъехав к Сельфиану.

– Да, я должен ехать.

– Почему же ты не предупредил меня? – дрожащим голосом спросила Лисцина.

– Я не мог. У меня не было времени, – сухо ответил Сельфиан.

После этих слов слезы потекли из прекрасных карих глаз эльфийки и покатались по нежным щекам. Она опустила голову, и длинные темные волнистые волосы закрыли ее лицо.

– Не надо плакать, – попытался как-то утешить Сельфиан.

– А как же я? Почему ты не подумал обо мне?

– Я вернусь за тобой позже.

– Ты хочешь оставить меня одну, когда весь Милинтил готовится к новому нападению орков?

– У вас есть всемогущий маг! – с ноткой гнева произнес эльф.

– Да. Он, по крайней мере, не бросил нас накануне войны, – уже твердым голосом ответила Лисцина и повернула свою лошадь к Милинтилу, но остановилась. – Не нужно за мной приезжать. Прощай! – добавила она и поскакала к городу.

Сельфиан некоторое время смотрел вслед своей возлюбленной. Смотрел, как она грациозно сидит в седле. Ее роскошные локоны развеваются на ветру. Казалось, что он сейчас бросится за ней вслед, догонит ее и, не сказав ни слова, возьмет ее за руку и поведет в новый дом в новом городе. Либо так лишь хотелось думать Лисцине, и она представляла это, хоть и гнала свою лошадь во весь опор, но Сельфиан вскоре повернул своего коня и пустился догонять отряд короля.

Агвинар сидел за большим деревянным столом у себя дома, уставившись в камин, где огонь уже почти погас. Вернувшись из дома главы города, он все вспоминал беседу с королем, подробно перебирая у себя в голове детали этой встречи, все слова, которые услышал и которые сам произнес. Затем он прошелся по списку дел, которые также держал в своей памяти, с целью убедиться в том, что все задуманные дела на сегодня он переделал. В таком положении он находился уже достаточно долгое время, как вдруг кто-то осторожно еле слышно постучался в дверь. Маг же даже не шевельнулся. Большая дверь из широких толстых досок медленно отворилась, и в образовавшийся проем проскользнула женская фигура в сером плаще с капюшоном.

Она аккуратно закрыла за собой дверь и остановилась на пороге. Маг продолжал сидеть за столом спиной к двери.

– Проходи, Лисцина, раз пришла, – неожиданно произнес маг, продолжая сидеть без движений.

Девушка дернулась от неожиданности и удивления. Ведь она стояла в тени, свет от камина и тусклое пламя свечи на столе не освещали ее лица, которое к тому же было скрыто под капюшоном.

– Добрый вечер, – наконец, произнесла она.

– Здравствуй, – поздоровался Агвинар. – Проходи тебе говорят! – потребовал он, и девушка подошла к нему. – Знаю, какая печаль тебя тревожит, знаю, что случилось, но не могу понять, что ты здесь делаешь в столь позднее время.

Девушка молча стояла возле мага.

– Ну, говори, с чем пожаловала, – встал на ноги Агвинар.

– Зачем ты его отпустил?

– Не стоит задавать вопросы, на которые сама знаешь ответы. Спрашивай, что тебя действительно интересует.

– Он ведь не вернется? – спросила девушка, и крупная слезинка вновь покатилась по ее щеке.

– Такие беспокойные времена настали, – ответил маг и осторожно вытер своим платком ее щеку, – что уже никто не может определенно сказать, что произойдет завтра.

– Но ты ведь колдун. Ты можешь предсказывать, – настаивала девушка. – Ты даже можешь его вернуть!

Агвинар аккуратно снял с ее головы капюшон, и свет огня в камине отразился на ее лице и в волосах. Длинные волосы, в которые были вплетены цветы, падали на ее плечи. Даже ее печальные глаза не могли погасить ее красоту.

– Присаживайся, – предложил маг и помог девушке сесть за стол, – чайник у меня горячий. Я знал, что ты придешь, и заварил травы. Они помогут тебе успокоиться.

– Спасибо, – поблагодарила Лисцина. – Но все же как ты считаешь, он вернется?

– Не стану скрывать и вселять в измученное сердце напрасные надежды, – начал маг, подав девушке чашку чая и усаживаясь за стол напротив Лисцины. – Мне не ясна пока судьба Милинтила, потому что я слишком сильно вмешиваюсь в его жизнь и вношу свои изменения в то, что ему предназначено. Однако Торни-Урбену придется нелегко. Одно нападение за другим обрушатся на него. Король, побоявшись авторитета магов, изгнал их из города. Теперь вся надежда Торни-Урбена возложена на отвагу и силу его рыцарей. Они не могут предсказывать и предвидеть, могут только надеяться на своих разведчиков.

– И что это значит? – с тревогой в голосе спросила девушка.

– Торни-Урбен будет постоянно находиться в осаде. Все время в военном положении. И когда уже Сельфиан принесет присягу королю, то не сможет выбраться из города в ближайшее время.

– Неужели орков так много?

– К сожалению, орки – это не единственные наши противники в этой войне. Я даже не смею представить, с кем нам придется столкнуться.

Некоторое время они сидели молча и пили чай. Слабый огонь в камине еле освещал комнату. За окном было темно и тихо, только лай собак изредка нарушал тишину. Затем вновь все затихало до тех пор, пока снова какому-то псу не померещится опасность и он не залает, а остальные подхватят его, не понимая даже, по какой причине залаял первый пес, который гордо продолжал лаять, пребывая в уверенности, что именно он первый залаял, и не напрасно, раз другие лают, значит, действительно была причина для этого.

– Уже поздно, – прервал тишину Агвинар. – Тебе пора идти.

– Разрешите мне остаться у тебя, – молящими глазами посмотрела на него девушка. – Я не хочу домой.

– Нет, ты должна идти, – настаивал на своем Агвинар, подбрасывая дрова в камин.

Но в этот момент Лисцина встала и сбросила с себя свой плащ. И юная эльфийка предстала перед Агвинаром в прекрасном длинном белом платье, глубокий разрез которого спереди обнажал юную пышную грудь, просвечивающую сквозь тонкую материю. Девушка сделала шаг к магу, и ее загорелые бедра, оголившиеся из-под множества длинных разрезов платья, осветил свет из камина. Девушка подошла к Агвинару и прижалась к нему своим грациозным и хрупким телом, потянулась к нему губами, но маг оттолкнул ее.

– Так вот зачем ты пришла, – гневно произнес он, и огонь в камине запылал ярче. – Хочешь избавиться от своего бессмертия, ищи другого смертного!

– Я не хочу страдать из-за потерянной любви вечность, а это самый простой способ потерять бессмертие, – сквозь слезы произнесла девушка и упала на пол.

Агвинар подошел к ней, прикрыл платьем обнажившиеся бедра девушки и прижал ее к своей груди:

– Вечная печаль – это тяжело, но поверь мне, тебе и сотни лет хватит сполна, если не сумеешь излечиться от своей любви.

Лисцина продолжала плакать, тогда Агвинар взял ее на руки, отнес в другую комнату и уложил ее на мягкую кровать. Подобрал свисавший на пол подол платья и собрался уходить, но Лисцина взяла его за руку:

– Посиди со мной, пока я не усну, пожалуйста, – попросила она, вытирая другой рукой слезы, тогда Агвинар сел рядом и закрыл своей второй рукой маленькую ладонь девушки.

Следующий день у Агвинара также пролетел стремительно в хлопотах: он осведомился у Холура, направлены ли разведчики на юго-запад, нет ли сообщений о готовящемся новом нападении на город. Глава города его заверил, что разведчики уже отосланы, и он ждет известий в течение этого дня. Действительно, к вечеру Агвинар получил сообщение от Холура, что ему стало известно, что на Милинтил направляется трехтысячная армия орков и прибудет через пару суток.

Население Милинтила всего составляло чуть больше трех тысяч человек с учетом стариков, женщин и детей, а три тысячи орков это были исключительно воины. Поэтому можно было сказать, что это воинство представляло собой опасную угрозу для города, который уже отвык от осадного положения, битв и всеобщего ополчения.

В тот день Агвинар приобрел у гончара восемь горшков, четыре больших и четыре маленьких. Большие были размером с крепкого гнома, а маленькие горшки также выглядели внушительными, но могли разместиться в больших горшках, в чем предварительно убедился маг до их покупки. Маленькие горшки Агвинар сразу же наполнил доверху каким-то черным песком, осторожно закрыл их и аккуратно убрал в угол сарая.

В течение дня Агвинар несколько раз навещал Вактина. Тот заверял его и лекарей Милинтила, что чувствует себя прекраснейшим образом. Он все собирался пойти домой,

но маг велел ему оставаться в постели, и максимум, что он позволил ему, так это выйти прогуляться ненадолго во двор лечебницы.

Большое удивление ожидало Агвинара у себя дома. Лисцина, проснувшись утром и никого дома не обнаружив, ненадолго сходила к себе домой, предупредила родителей, что она помогает магу, а затем вернулась в дом Агвинара. Так ее вечером Агвинар и застал сервирующую стол, из-за чего маг сделался крайне недовольного вида и с вопросом «Ты все еще здесь?!» накинул на девушку ее плащ и открыл ей дверь. Лисцина со слезами на глазах выбежала из дома.

На другой день, когда Агвинар поехал забирать из кузницы мешки с наконечниками для стрел, его на улице встретил сын местного купца и передал сверток кожи, где было написано: «Здравствуй, колдун. Не знаю, зачем ты заморозил Лисцину, но можешь быть уверен, что нашей дружбы больше быть не может. Капитан второго отряда армии Торни-Урбена Сельфиан Милинтильский».

Агвинар с невозмутимым выражением лица прочел это письмо и убрал его в карман своего плаща. Слово он уже изначально знал содержание этого послания. Маги часто выглядели так, словно все знают наперед, остальные же не прекращали спорить из поколения в поколение по поводу того, чему их в действительности учат в школах магии: предсказывать будущее или в первую очередь делать вид, что все знаешь, в том числе и будущее.

Наконечники для стрел он повез в свой сарай, оборудованный под склад, где разместил маленькие горшки с черным песком в большие, а затем заполнил оставшееся пространство в больших горшках наконечниками для стрел таким образом, что все четыре больших горшка были доверху заполнены острыми металлическими наконечниками, а из этих горшков виднелись горлышки маленьких кувшинов.

– Подруга Сельфиана ночевала у тебя? – раздался голос Холгина за спиной мага.

– Это уже не новость, мой друг, – улыбнулся маг, – если уже известно в Торни-Урбене.

– После сражения с орками люди интересуются нами, о нас много говорят.

– Значит, нужно привыкать к славе, – продолжал иронизировать Агвинар.

– Тебя тоже одолел этот недуг? – с ноткой гнева спросил гном, поглаживая свою бороду.

– Нет, со мной все в порядке. У меня много дел. Боюсь, что завтра ночью нас ждет новое сражение.

– Но ведь у тебя есть друзья. Мы готовы помочь тебе.

– В данный момент лучшая помощь от вас – это если вы хорошо отдохнете и к завтрашнему вечеру предстанете в наилучшем виде, полные сил и отваги.

– Если бы у нас был выбор, – с грустью пробормотал Холгин и вышел за дверь, было видно, что гном очень сильно чем-то огорчен, иначе бы он и не ушел так скоро.

Наступило седьмое утро со дня обороны Милинтила. Солнце осветило вершины деревьев Синемуса. Птицы весело щебетали над крышами домов. Безоблачное голубое небо казалось бездонным. Агвинар, проснувшись утром, едва умыв лицо, сразу же направился к дому главы города. При его появлении стража, стоящая возле дверей дома, выпрямилась, и, когда маг подошел ближе, они сами открыли ему дверь. Агвинар прошел в тронный зал.

– Доброе утро, Агвинар! – первым приветствовал его Холур.

– Доброе, – поклонился маг.

– Вы получили мое приглашение на наш совет? – поинтересовался глава города.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.